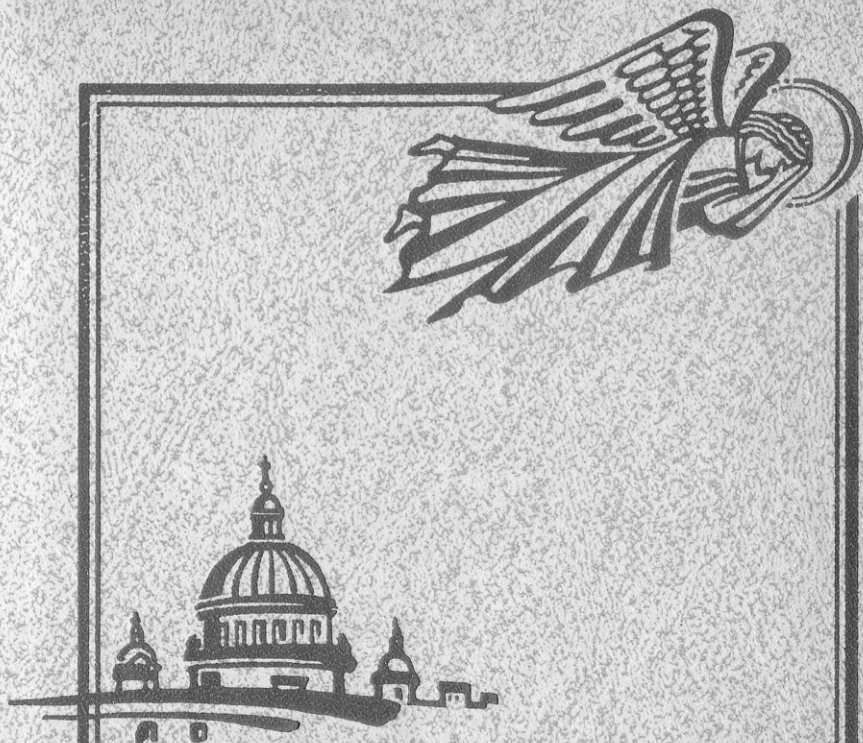
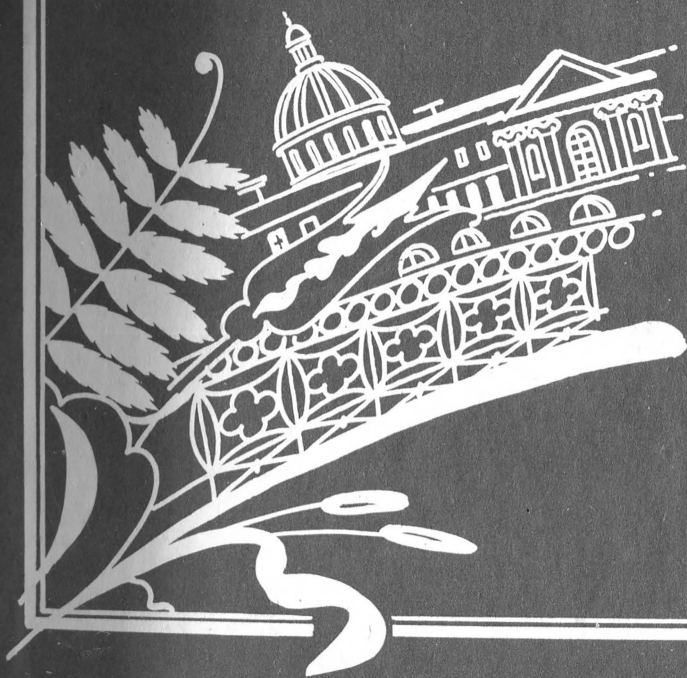

Наталия КАРПОВА

Наталия КАРПОВА

Разлук и встреч печаль и радость...

**Наталья
КАРПОВА**

Наталья КАРПОВА

*Разлук и встреч
печаль и радость...*

Санкт-Петербург
1996

Карпова Наталия
К 26 Разлук и встреч печаль и радость... СПб.: Журнал «Нева».
1996. — 304 с.

Год назад, в феврале 1995-го, не стало Наталии Ивановны Карповой — светлого, доброго, талантливого человека. Жизнь ее оборвалась по злой воле нелюдей, для которых христианская заповедь «Не убий!» — пустой звук. Она успела выпустить шесть книг. Ее чистый, ясный голос отчетливо и узнаваемо звучал в многоголосом хоре поэтов. Эта посмертная книга избранных стихотворений, увы, — итоговая.

Завершает книгу раздел воспоминаний друзей Наталии Карповой с оценкой ее творчества и словами прощания.

Составитель — *Э. Л. Крейнин*

ISBN 5-87516-057-8

© ТОО «Журнал „Нева“», 1996
© Э. Л. Крейнин, состав, 1996
© Е. М. Воробьева, оформление, 1996

«Я ШЛА, ШАГНУЛА ЧЕРЕЗ КРАЙ...»

Быть может, самое большое потрясение последних лет — гибель Наташи Карповой. Мы не были с ней близкими друзьями. Были товарищами по поэтическому цеху, по литературной молодости, по славной компании шестидесятников, собиравшейся вокруг Галины Гампер. Молодость была как молодость — веселая, дружественная, озорная. И изначально твердая в нравственных оценках.

Потом я надолго занялся детской литературой, изменился круг общения. И лишь в недавние годы жизнь совершила спираль, и я снова оказался в орбите тех людей и интересов, которыми так памятны шестидесятые.

Наша новая встреча с Наташей несла в себе зерно возможной близкой дружбы. Я пишу аккуратно — «возможной», ибо пути Господни неисповедимы, а Наташи нет. Но мне казалось, да и сейчас кажется, что были основания для дружбы совершенно новой, обогащенной нынешним опытом.

Дело в том, что мы — совершенно независимо друг от друга — пришли, приблизились, прибились (не знаю, как лучше сказать...) к матерiku христианства. Наташа ступила на этот материк гораздо раньше и успела освоить его таинственные и тайные области глубже, чем я. До сих пор я ощущаю себя

заново родившись, ощутил первородную ласку солнечного луча, вкус хлеба и воды, смех ребенка, нежность прикосновения родной руки... Так, может быть, в призыве ощущать жизнь как великий дар Божий, учиться смирению, не роптать — может быть, в этом и заключена величайшая мудрость, какую могло постигнуть человечество?

Именно об этом говорит Наташа в стихотворении «Забывтое кладбище»:

...и взгляд его скользнет
По кладбищу, и сердце вдруг сожмется...
И даже если плохо он живет,
Подумает, что хорошо живется.

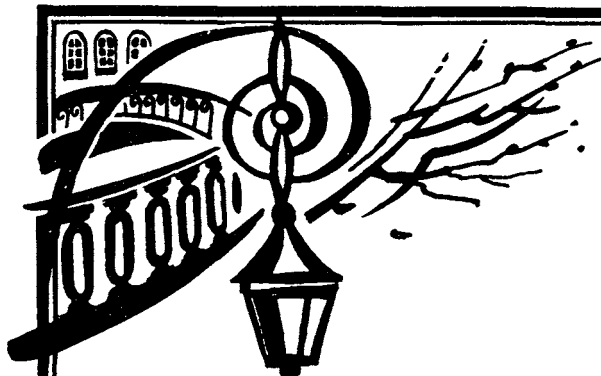
Да, иные Наташины стихи последнего периода несут на себе печать отчаяния. Мотивы ухода звучат в них с роковой неотступностью. Не раз подчеркивается тщета земных усилий, они отождествляются с суетой сует...

Ничего нельзя исправить, нельзя вернуться, окликнуть, помочь. Можно только помнить, любить и учиться мужеству жить.

Каждый человек уносит с собой свою тайну. Унесла ее и Наташа. Да будет целомудрие паролем тем, кто пытается мысленно прикоснуться к завершенной земной жизни.

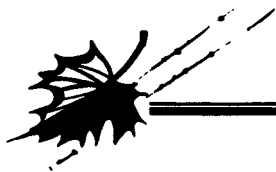
Читайте ее стихи. В них все или почти все ответы. Вслушаемся в музыку слов. Вдумаемся...

Александр Крестинский

Возвращение

Из шести книг

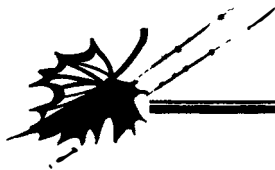
Колодец

1976

* * *

Как люблю эту участь бродячую,
В глубь и в глушь по родимой земле!
И летит, словно всадник в седле,
Жизнь моя с головою горячею.

Лишь порою присяду в пути,
Чтоб умыться водою колодца,
И напиться из полной горсти,
И послушать, как сердце забьется.

Колодец

1976

* * *

Как люблю эту участь бродячую,
В глубь и в глушь по родимой земле!
И летит, словно всадник в седле,
Жизнь моя с головою горячею.

Лишь порою присяду в пути,
Чтоб умыться водою колодца,
И напиться из полной горсти,
И послушать, как сердце забьется.

* * *

На родине моей сегодня лето —
Год мира, день покоя, час рассвета.
Нас зазывает лес, к нам льнут поляны —
Вдыхаешь терпкость трав, глотаешь воздух пьяный
И ловишь каждый миг, бесценный, незабвенный, —
Миг близости с душой земли благословенной.

* * *

Ни похвала людская, ни хула
Не остановят,
 где бы ни была,
И не собьют с пути.
 Издалека
И приближаясь,
 люди,
 как река,
Текут.
 Но я не знаю,
 кто каков,
Пока не выйдет он из берегов.

* * *

Земля и вправду напилась,
Не то чтоб жажду утолила —
Насытилась. Такая сила
Дождя открылась, ворвалась
В пределы трав и мостовых,
Что вдоволь жаждущим хватило.
Дождь выдохся, и ветер стих.
Хотя ни одного светила
На небе не было, душа
Приметы вечности читала.
Деревья, ветками шурша,
На землю сбрасывали капли,
На тонкой ножке, словно цапля,
Девчонка вдалеке скакала —
И грудью всей земля дышала.

* * *

Как изменяется окраска
Деревьев за моим окном!
Закат назойлив, как подсказка,
И все же объясню с трудом:

Зачем стволы в кровоподтеках,
А кроны небом обвиты?
И смысл теряется в истоках
Незащищенной наготы.

Потом лишь сумерки глазют,
Простаивая у окна,
Скрывают даль, сомненья сеют
И душу ворошат до дна.

* * *

Колодец заворачивает,
Не колыхнется отражение.
Летит ведро, обезображивает
Лица живое выражение.

Ведро с водою еле вытащила,
Вода по-прежнему легла.
И снова смотрит, будто выточено,
Лицо из темного стекла.

* * *

Остывает на столе картошка,
И сидим мы долго — день ли, час...
Прямо на пол лунная дорожка,
Выбив закопченное окошко,
Выбегает, весело светясь.

От испуга падает свеча,
И старуха, отыскав коптилку,
Над огнем привычно хлопоча,
Морщит лоб, а мысли, как в копилку,
Прячет от других, свое шепча.

Засмотрелись на ее движенья,
На изборожденное лицо.
Вдруг в глазах ее — преображенье,
Свет, дорожки лунной отраженье,
Неба приближенье, колдовство.

ЗАБЫТОЕ КЛАДБИЩЕ

Неподалеку от избы последней,
Почти сойдясь с деревнею соседней,
И только полем ржи отделено
Да рыхлою проезжею дорогой —
Оно уже давно заселено
И перезаселилось понемногу.
Висит калитка на одном гвозде,
Рассохлись доски скрюченной ограды,
А рядом огороды, рядом рады
Живой земле. И кажется, в гнезде —
Огромном, обожженном и забытом —
Лежат холмы, как перья от птенцов,
А птицы улетели к землям сытым.
Дороги шли сюда со всех концов,
А нынче заросли. Лишь на проезжей
Крестьянин иль какой-нибудь приезжий
Покажется — и взгляд его скользнет
По кладбищу, и сердце вдруг сожмется...
И даже если плохо он живет,
Подумает, что хорошо живется.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Возвратилась я домой,
И замок обескуражил.
Видно, муж не вспомнил даже,
Что приеду я домой.

Непонятны превращения —
Где родители мои?
Как они забыть могли
День желанный возвращенья?

Словно вывели меня,
Пусто в комнатах и чисто.
Может, виноваты числа,
Сбилась я с календаря?

Может, долгий перелет,
Облаков и звезд соседство
Через юность, через детство
Гнали так меня вперед,

Чтоб припасть виском к стене
И тепло родного крова
Ощущать, оставшись снова
С временем наедине?

* * *

В окне сиреневое зарево —
Встаю,
 поспешно чай завариваю
И обжигаюсь, торопясь.
Опять меня пугает связь
Событий,
 совпадений времени...
Терпение, мой друг, терпение!
Пусть та же за окном зима —
Переменилась я сама.
И сколько б ни было повторов —
Метро,
 автобус,
 старый город...
Иная боль, иная страсть
Теперь с душой моей срослась,
Я вижу под другим углом
И жизнь,
 и смерть,
 и отчий дом.

* * *

Ожидала, торопила,
Обещала, обрывала,
И спасала, и топила,
И скрывалась, и скрывала.

И дразнила, и играла,
И рыдала в тупике.
И на картах-то гадала,
И читала по руке.

Все тебе. А ты не понял —
Много сразу, чтоб вместить.
Слишком слушал, слишком помнил,
Слишком рвался объяснить.

ПЕРЕВОДЧИКУ

С. В. Петрову

Опять оставшись без обеда,
Застряв в каком-то из веков,
Над ворохом черновиков
Он бьется о чужие беды.
Переведя чужую боль
В иное звукосочетанье,
Он различает очертанья
Строенья, жалкую юдоль
Людей того стихотворенья...
И в старом мире в тот же миг —
Звук клавишина, резкий крик,
Свершившееся преступленье.
Подняв лицо от черных строк,
Услышав, как стучит в висок
День нынешний, и капли пота
Смахнув с лица и закулив,
Все слушает он тот мотив,
Уже летящий из блокнота.

* * *

Склонись же над одной из старых книг
И, если снова попадешь в тупик,
Подольше посиди над словарями.
А выберешь Афины или Рим,
Там встретимся и там поговорим,
И будет вечность
третьей между нами.

* * *

Галине Гампер

Не городи вокруг себя заборов,
Не прячься, от судьбы не уходи.
Взгляни в окно — и ты увидишь город,
И купола соборов, и дожди.

Деревья за окном зазеленеют,
И птицы будут в форточку стучать,
Жизнь станет в ясный день еще яснее,
И сможешь ты себя перекричать.

Тогда наступит лучший день свободы,
Со дна души поднимутся стихи —
Деревья будут в них, дожди, соборы —
И птицы полетят из-под руки.

ДРУЗЬЯМ

Друзья мои рядом со мною.
Одиннадцать лет — это срок
Для общего мрака и зноя,
Для хмеля и трезвости строк.

О, дайте стихом причаститься,
Напиться беседой живой!
Ты наши безвестные лица,
Мгновенье, друг другу открой.

Меж нами не будет предательств
Под крышей в одиннадцать лет,
Но снова рука обстоятельств —
Как стрелочник бед и побед.

То в стороны нас разбросает,
То в тесный кружок соберет,
А время нам судьбы верстает,
И вечность кроит переплет.

ОБРАЩЕНИЕ К АДАМУ МИЦКЕВИЧУ

Когда-то Байрон, как запой,
Сковал тебя, владел тобой.
Скажи мне, что богам делить?
Зачем вам знать, чьи крылья шире?
Ведь каждому есть место в мире,
Чтоб мир бессмертия продлить.

* * *

Э. К.

Гусар усатый мой, какой еще мазуркой
Украсить захотел к концу летящий бал?
Вот, словно бабочка, малюсенькой фигуркой
Впорхнет хозяев дочь, чтоб ты поцеловал.

А вот и старый друг прижмет к груди гитару
И заглушит оркестр, играющий для нас,
Попросит петь тебя, расстроит нашу пару,
И ты ему кивнешь и примешь как приказ.

Не слишком ли тебе внимания сегодня,
Счастливчик, весельчак, завзятый сумасброд?
Уж догорает ночь и утро новогоднее
Увозит нас домой уже в который год.

* * *

Ты для того так долго звал меня,
Чтоб радостью души моей коснуться
И чтобы мне на долгий миг проснуться —
Впитать всю музыку и краски дня.

Твои глаза в моих отражены,
Мы соединены и неделимы,
И счастливы, покуда мы любимы,
Счастливее вдвойне, покамест любим мы.

Что б ни было со мной или с тобой,
Хочу принять любые испытанья,
Не пряча глаз, — и пусть твое дыханье
Поможет выпить горечь чаши той.

* * *

Ты для того так долго звал меня,
Чтоб радостью души моей коснуться
И чтобы мне на долгий миг проснуться –
Впитать всю музыку и краски дня.

Твои глаза в моих отражены,
Мы соединены и неделимы,
И счастливы, куда мы любимы,
Счастливее вдвойне, покамест любим мы.

Что б ни было со мной или с тобой,
Хочу принять любые испытанья,
Не пряча глаз, — и пусть твое дыханье
Поможет выпить горечь чаши той.

* * *

Смотри, как вечность замирает,
Смотри, как ночь слюну глотает,
Смотри, как ненасытен день.
Но что же с нами будет дальше?
Так и умрем в тоске и фальши
С тобою, блажь? С тобою, лень?
Иль западет в нас хоть частица
Пространства, чтобы зацепиться
За куст сирени, за цветок,
За эту сочную травинку,
Чтоб протоптать свою тропинку,
Пока еще отпущен срок?

* * *

Ты хочешь, чтобы нам давались знаки
Движения во времени, а я
Хочу познать и плевелы и злаки,
И радости и муки бытия.
Но верю я и вечности приметам —
И звездам, и земле, и птицам, и поэтам.

В БОЛЬНИЦЕ

Я вглядываюсь в день подслеповатый,
Спустившийся в окно моей палаты, —
Пока еще он самый первый гость.
Появится и няня, и сиделка,
О них подскажет часовая стрелка,
И зоркий врач прочтет меня насквозь.

Быть может, я живу в лесной сторожке,
Такая радость — дерево в окошке
И птичьи разговоры по утрам.
Но мне не встать, не обменяться речью,
Здесь мной распоряжаются, как вещью,
И подчиняюсь я чужим рукам.

Мне ненавистно собственное тело —
Душа его страданьем заболела,
И кажется, вот-вот замкнется круг.
Спешите же сюда, несите иглы,
Меня здесь нет, есть безымянный игрек,
Меня здесь нет, есть только мой недуг.

Не знаю я, который день недели,
Зима или весна на самом деле,

И есть ли Невский, Мойка, Летний сад..
Я вглядываюсь в день подслеповатый —
Не облака, а белые халаты
Уже над головой моей парят.

* * *

Больничный сад — обычный сад,
Деревья у ограды,
Жасмин, сирень, десяток гряд
С унылою рассадой.

Собаки возятся в углах
И ждут больничной пищи,
А люди в спущенных чулках,
Похожие на нищих.

И воздуха, и тишины,
И даже неба вдосталь.
Но звуки города слышны,
Когда раздвинешь доски.

Автобус полный промелькнет
(Подкатит горечь к горлу),
За пешеходом пешеход...
А ты стоишь, как голый.

И сущность жалкую свою
Всем телом ощущаешь.
Стоишь у жизни на краю —
И жизни не вмещаешь.

ТОПИТСЯ ПЕЧЬ

Я греюсь, угли вороша.
О, как причудливо виденье!
Мне кажется, твоя душа
Пришла гореть в мои владенья.

А за окном хоть глаз коли,
Какая ночь во двор спустилась!
И нет ни неба, ни земли...
А есть ли ты, скажи на милость?

* * *

Когда за комнатным окном
Дорога сквозь узоры инея,
Не сожалею ни о ком,
Ни об одном не плачу имени.

Нашло такое одиночество,
Такая радость созерцания!
Продлить мне это время хочется
И ни о чем не знать заранее.

А я все вижу, словно прожито,
А я все знаю наперед...
И на стекле рисую рожицу,
Которая меня поймет.

* * *

Не остыло дыханье твое на губах —

Называть твоим именем

стала

звезду и дорогу...

И слова золотые,

что ты обронил впопыхах,

Сберегаю,

в минуты сомненья

принимаю в подмогу.

Все мне кажется — руку назад протяни,

И возможен возврат — повторение слов и движений.

Путь звезда освещает,

дорога ласкает ступни...

Всюду с нами любовь —

нашей боли и радости

гений.

* * *

Подумай, ведь еще не поздно
Вернуться в прежний непокой.
Слова — ведь это несерьезно,
Чтоб — вон из сердца,
с глаз — долой.
Но ты и вправду мне неведом
И отделен глухой стеной,
Хотя мы сыты общим хлебом
И жаждой спаяны одной.

* * *

Куда ни посмотришь — снега распластались,
Им жить мимолетно,
но царственно жить.
Как долго росли мы,
верней, разрастались,
Как медлили,
чтобы отныне спешить!
А снег отрешенный, не знающий спешки,
Он тем и велик,
что бессмертен на миг.
Земля, о, лицо твое в гордой усмешке,
Постигшее,
что человек не постиг!

* * *

Стою у старого квартала —
Здесь вечность время коротала.
Иду к Сенной, минуя Невский,
Где в переулках-тупиках
Блуждал когда-то Достоевский
С Раскольниковым на руках.
А сумерки толкают в спину,
И все слабей фонарь горит,
Как будто бы и я повинна,
Что каждый камень здесь болит.

В БИБЛИОТЕКЕ

Я не хочу иной опеки,
Чем стеллажи библиотеки,
Дубовый стол и стопка книг...
Когда в случайном человеке
Я ту же страсть читаю вмиг.

В душе и сумрачно и сладко,
На лбу задумчивая складка,
И книга, где всегда ищу
Хотя бы черточку порядка,
Которого во всем хочу.

И в соответствии великом
Безмолвия с неслышным криком
Читаю тайный давний день.
А день в окне маячит тихо...
Я говорю ему: «Смотри-ка,
Здесь, в книге, не твоя ли тень?»

* * *

Опять, не дочитав последней строчки,
Выходишь в город. Замечаешь — почки
На ветках набухают, воздух чист.
И перспектива — как тетрадный лист,
Где выписки из книг теснят друг друга.
Я вздрагиваю, словно от испуга,
От схожести прочитанного с тем,
Что вдруг открылось, — парк, дома, ограды,
Людские лица, голоса, наряды...
От близости и переклички тем.

* * *

Когда слетятся к дачной полумгле
Друзья мои, как бабочки ночные,
Появятся бокалы на столе,
А в сладостном вине — все запахи речные.

И будет вечер все не угасать,
Топтать свою любимую дорожку,
Чтоб легче нам смеяться и гадать,
И руки обжигать, бросая в печь картошку.

Вот наконец умолкнут поезда,
И ночь не пощадит веселого застолья...
Но вдруг увижу, что моя звезда
Горит над головой, над хлебом и над солью.

* * *

Покамест ночь глушила краски дня,
Рука художника уже мешала краски
Небесной бездны и морского дна,
И быстро приближался час огласки.

Восход уже затеплился вдали,
Казалось, день готов вот-вот начаться,
И свежий холст от неба до земли
Рисунком новым стал обозначаться.

И были мы как будто в мастерской,
И нам дарили новые работы,
Художник здесь трудился день-деньской,
А ночью снова находил просчеты.

* * *

Весенняя распутица в саду,
А я концы с концами не сведу.

Проходит день — пора платить по счету,
Припомнить каждый промах и просчет.
О, удержи, весна, свою работу,
И, птицы, — отложите перелет.

Так мало я успела в самом деле,
Хотя живу как будто на пределе.

* * *

Моей земли простор великий
Опять меня ошеломит.
Неповторимый, многоликий
Земли и неба колорит.

Хочу не только насмотреться,
Всмотреться, выслушать, познать...
Я отыскать пытаюсь средства,
Чтоб краски жизни передать.

ОСЕННИЙ ГОРОД

Как прошлый год, как десять лет назад,
Разбрасывает листья Летний сад,
И кружатся они, и бьются оземь.
И как свидетель смотрит Ленинград
На жизни наши и на эту осень.

Присядем же, нас город оградит,
Тревоги отведет, захватит буйством красок
Уже погибших, но еще прекрасных
Летящих листьев.

Берегов гранит
И кружева ограды — рядом, рядом
С осенним Летним садом, в двух шагах
От нас, здесь заплутавшихся.

Опору
В трудах и помыслах дает так щедро город,
Что перед ним мы вечно в должниках.

* * *

Выйдешь на вечернюю дорогу,
Понемногу душу отведешь,
Радуясь пустячному предлогу
Посмотреть, как этот час хорош.
Полоса закатная багряна,
Желто-сизо стелется трава,
И пруды работы Левитана
Дремлют, различные едва.
Новый день пока еще не встречен,
Он, наверно, где-нибудь в пути.
А покой, ведь он и вправду вечен,
Что б там ни случилось впереди.

Совпадения

1980

* * *

Много ли скажет пейзаж заоконный?
Ели, березы мне с детства знакомы,
Станций названия заучены с детства,
Но и за жизнь не смогу наглядеться,
Но и до старости страсть не насытит
Сменой времен, и дорог, и событий.
Птица червонным взмахнет опереньем,
Спрячется солнце за встречным селеньем,
Русский, знакомый,

единственный,

наш,

Душу шемащий,

летающий пейзаж.

* * *

Каждый день, что мужественно прожит,
Озарится и украсит год,
Все мои победы приумножит
И в судьбу естественно вратет.

Будут эти дни стоять как вехи,
Чтоб припадки слабости и слез
Отметать безмолвно, как помехи,
Скашивать, как травы в сенокос.

* * *

Осела старая изба,
Рассохлись бревна, покосились...
Похожа, в сущности, судьба
На человеческую.

Сияясь

Продлить свой век, уж так устроен, —
Жив человек — и хочет жить...
(У времени свои устои)
И старость обрывает нить,
Последнюю живую нить.

Что сделаешь — изба осела,
Но солнце в щедрости своей
Заглядывает то и дело
В проемы окон и дверей,
Стараясь все, что уцелело,
Последним светом осветить.

Но старость обрывает нить,
Последнюю живут нить.

* * *

Никто не сможет заменить
Отца и мать,
Хоть будешь сладко есть и пить
И обнимать.

Не потому, что дали кров,
И хлеб, и соль,
А потому, что — плоть и кровь,
Любовь и боль.

Но чаще мы приходим к ним
В тяжелый час.
Никто из них не заменим —
Никто из нас.

* * *

Как до корней родного языка,
Дорыться до корней существованья...
Но вот глядит береза свысока,
И клен ведет свое повествованье.

И, вслушавшись, не зная судьбы иной
Во имя естества и откровенья.
Чтоб звуки стали тканью и канвой,
А суть твоя душой стихотворенья.

* * *

От Павловска до Пушкина
Излюбленный маршрут.
О, сколько нам отпущено —
Дубы, скамейки, пруд!

И солнце полной чашею,
И небо в двух шагах,
И птичий хор над чашею
На разных языках.

Волна любви к земле моей
Вновь душу захлестнет
И станет главной темой
Среди земных забот.

* * *

Э. К.

Что дни, когда года разделены,
И пусть по обе стороны стены,
Зовущейся разлукой, оказались.

Тем и прочней связующая нить,
Что время хочется остановить
С мгновения прощанья на вокзале.

* * *

Придет пора проститься — и простимся,
Сегодня вместе — завтра разлетимся.
В последний раз друг к другу прикоснемся,
И нас не станет на былых кругах.
Но нынче — столько света, столько солнца,
Что кажется, судьба у нас в руках...
Коль выроним ее, так сами разобьемся.

КОНИ НА АНИЧКОВОМ МОСТУ

Взбешенные черною страстью
Подняться над тихой рекой,
Копытами били в пространство
И гнулись под сильной рукой.

До дрожи дойдя, до хрипенья,
Взмывались опять и опять,
Чтоб вдруг замереть на мгновенье
И вечно над миром стоять.

* * *

ПЕНЬ

Ствол убили наповал —
И остался пень-калека,
Иногда мне человека
Этот пень напоминал.
Словно вот устал смертельно
И сидит в лесной глуши.
Лес же песней колыбельной
Падает на дно души.

* * *

Мне кажется, еще сейчас
Лежу девчонкой тонконогой
На сеновале,
и стучат
В сердечко дальние дороги.

И я еще могу решать,
Куда пойти, во что вглядеться.
На сеновале, отрешась,
Я с головой зарылась в детство.

И снова пройденный свой путь
Я повторяю шаг за шагом,
Но память чтобы обмануть,
Года и дни перемешала.

О, если б сызнава начать,
Имея опыт за плечами!
Проходит жизнь, но и сейчас
Все как вначале, как вначале.

* * *

Явилась ночь ко мне
Вдруг жизнью многоликой —
Стол ужин вспоминал,
А печь хотела печь...
И дрожью по спине
В застенчивости тихой
Текла к моим губам
И возникала речь.

* * *

В лесу закинешь голову,
Взойдешь глазами новыми,
А небо все исколото
Иголками сосновыми.

И лес, сухой и пористый,
Вдыхает одиночество.
И бродишь, бродишь по лесу
Без имени и отчества.

* * *

Онега — деревянный крест,
В закат окрашенная насыпь...
Душа моя из этих мест,
Но так привыкла к жизни наспех,
К тревогам, к сутолоке дней,
Что сразу не нашла корней.

Под этот крест легко прилечь —
На время сбросить тяжесть с плеч.
Здесь предок мой пахал и сеял,
И строил дом, и в землю врос.
Земля моя, мой кровный Север,
Где купола до самых звезд.

* * *

Я научилась говору реки,
Земли, деревьев,
перепевам горлиц —
И речь моя, и поиски строки
Смешались с ними,
став единым горлом.
Теперь уже мне трудно отличить
Один язык от языка другого,
Но в смеси двух
так нужно получить
По-новому озвученное слово.

* * *

Растрчиваем время впоыхах,
А надо бы —
 за совесть и за страх
Жизнь постигать, усталости не зная,
Чтоб опыт вековой перенимая,
Остаться ну хоть строчкою в стихах.

ВОСПОМИНАНИЕ

Не спали в доме,
 падал свет густой
На вещи в комнате полупустой.
Навечно поселившись в этом доме,
Свет наблюдал предметы
 в полудреме —
Диван лоснился кожей, и вата
Сквозь щели вылезала виновато,
И как-то угловато стол стоял.
Свет освещал
 линейку,
 тушь,
 пенал...
А мне двенадцать лет,
 и брат мой болен,
Бред, говорит — откуда-то уволен.
Откуда — не пойму,
 но там,
 за шторой,
Судьба стоит и слышит каждый шорох.
Иду окоченев, дрожу от страха,
И бьется по ногам огромная рубаха.

ПОДРУГЕ

Еще стояли годы детства
За дверью,
 где-то по соседству
Снимал квартиру прошлый год.
Но детство стало не по средствам —
Огромный для души расход.
О чем жалеть?

 О чем укладкой
Подумывать, смеясь слезам,
Когда приходят лихорадкой
Дни будущие в гости к нам.
А нынешнее? —

 Восковое
Лицо твое покрыто слоем
Искусственным —
 в глаза взгляну —

О, нет! Я никогда не смою
С них неживую пелену.
Но второпях подставляю щеку,
И сразу хлынет холод сбоку.
Вдогонку крикнешь: «Заходи!» —
И удивлюсь я, как жестоко
Жизнь наши развела пути.

* * *

Я знаю, совпадения не случайны,
Ведь совпадают мысли, голоса,
Цветы с цветами и лучи с лучами,
Дни с днями, с полосой полоса.

Я открываю сложность совпадений
В похожести движений, звуков, фраз
Мне некуда бежать от сновидений,
Устроивших с годами пересказ.

И знаю я, что совпадают крики,
Просящие о помощи в ночи,
И скрещенные взгляды, как улики,
И встречи, как подземные ключи.

Мы защищаем души от падений,
Боимся оступиться и сгореть,
А рядом бесконечность совпадений,
Чтоб защитить кого-то и согреть.

* * *

Когда откроются поляны,
Когда расступятся стволы,
И в час закатный, в час багряный
Коснется небо головы,

Я упаду в траву всем телом
И, наполняясь тишиной,
Забуду все, чего хотела,
И прирасту к земле спиной.

Но вдруг почувствую, что дальше,
На много сотен верст окрест —
Открытые, без тени фальши,
Как крик души — поля и лес.

* * *

Тот уголок земли, где я вчера была,
Ушел, как корабли уходят от причала,
Как почва из-под ног,
и снова жизнь бела,
Как облако, как снег,
как повести начало.
И мой вчерашний кров
уже совсем исчез,
Как перелетных птиц последний клин,
и все же, —
Да не иссушит степь!
Да не заблудит лес!
Да не сведет с ума тоска по бездорожью!

* * *

Размотала я годы,
растратила,
испеклила.
Было в жизни три идола —
книги,
бумага,
чернила.
Но, служа этим трем,
мало времени им оставляла —
Проплясала я время,
пропела его,
прогуляла.
Я готова теперь
отхлестать себя ту — пустосмешку,
Наказать, показать,
что играла
последнюю пешку.
Сколько б жить ни осталось —
на счастье
не брошу
монету,
Все, что будет, — мое,
все, что было, —
того уже нету.

* * *

Войду в знакомую калитку,
Так скрипнет, словно вскрикнет вдруг.
И сразу же меня окликнут,
И вмиг коснусь руками рук.

Я сяду к общему столу
(Хозяйка станет суетиться),
И долгий голод утолю,
Смеясь и всматриваясь в лица.

Сойдет на деревянный дом
Вечерний свет, его прохлада...
И я наполнюсь этим днем,
Когда пройду дорожкой сада.

* * *

* * *

Когда глаза сужаешь
И где-то в глубине
Тоскуешь, осуждаешь
И плачешь обо мне —

Я сторонюсь мгновений,
Теряюсь и смеюсь,
В минуты просветлений
Безвыходно двоюсь.

Тянусь к тебе и трушу,
Но глаз не отвожу.
Освободи мне душу —
Тебя освобожу!

Но ты глаза сужаешь
И где-то в глубине
Тоскуешь, осуждаешь
И плачешь обо мне.

* * *

Такою близостью хочу тебя обжечь,
Которой и названья не отыщешь,
И будет долго задышаться речь
На новом нашем пепелище.

Вот видишь — звезды за окном летят,
И дерево стучится в ставни,
А я любви помешиваю яд,
Как будто терпкий чай в стакане.

Терпение, терпение, мой друг,
Дадим же ночи вдоволь поглумиться,
Пока не пропоет петух,
Не озарит рассветом лица.

* * *

Любовь к чему-то можно объяснить,
Найти слова и выбрать толкованье.
Пусть знают, ты не можешь не любить
Вот эту улицу или вот это зданье.

Но иногда, как тайную тетрадь,
Любовь спешишь убрать от глаз подальше.
И ничего не хочешь объяснять,
Боясь открытой или скрытой фальши.

* * *

Будет мартовский дождь
вперемешку со снегом
Бить в лицо,
в дрожь бросать,
подгоняемый ветром.
Будет день бушевать,
но весенним побегом
Вновь пробьется надежда,
появится вера.
Я поверю в себя,
и появится снова
Смысл движенья во времени,
дела во имя.
Пусть энергия звука,
энергия слова
И энергия сердца
вновь станут моими.

* * *

Пусть память сберегает накопленья
Случайных встреч и долгожданных встреч,
Чтоб в нужный час смогла стихотворенье
Я из архивов памяти извлечь.

Смешались в ней тревога и веселье,
И страсти миг, и сумасбродства шаг...
Но я тяну все чаще это зелье,
Чтоб прожитое воскресить в словах.

Мой город

1981

* * *

Мы светим —

и вся наша жизнь горяча,

Как эта

горящая ночью свеча.

А ветром задует —

мы вспыхнем опять,

Чтоб пламенем

близкие души обнять,

Пространство объять

и закончить свой труд.

Пусть к нашему свету

другие придут!

* * *

Любимый мой, единственный мой город,
Я дочь твоя, живая часть твоя.
Мне не нужны вселенские просторы
Во времени, — здесь место бытия.

Здесь знает обо мне Адмиралтейство,
Привыкла набережная к моим шагам,
Пусть не святое — здесь мое семейство:
Огонь горит друзьям,
и места нет врагам.

* * *

Глаза свои пытаюсь обуздать, —
Они жадны, они не знают меры,
Они глотают улицы и скверы,
Твердя, что слишком страшно опоздать.

Глаза мои, усните до утра,
Пусть в немоте душа моя прозреет,
Как через сито, сквозь себя просеет
Десятки слов,
и дрогнет до нутра.

* * *

Тебе я поверяю город мой,
Его мосты, и площади, и реки,
Его музеи и библиотеки, —
Увиденный, прочитанный, родной.

Тебе, любимый, доверяю я,
И ты мне доверяй. Любовь — доверье.
Вот — в новый год мы открываем двери,
Оборваны листки календаря.

Пока мы живы и пока друзья
Разделят с нами радости и беды,
Огни застолья и вино беседы,
Богаты мы, богаче быть нельзя.

Богатство братства доверяю я
Тебе, любимый. На пороге года
Взгляну в окно — метельный зимний город,
Огни машины, ответ фонаря.

Тебе, любимый, доверяю я.

* * *

Есть единенье душ, и это больше,
Прочней и выше единений прочих.
Есть единенье радости и боли,
Похожесть речи и похожий почерк.

Как дорожу я нашим единеньем!
Не разменяю и не променяю,
Не заглушу ни годом, ни мгновеньем,
Которыми судьбу переполняю.

Как дорожу я нашим единеньем!
Одну дорогу порознь пролагали
К движенью нравственному, миропостиженью —
Из пережитых дней — в другие дали.

* * *

Мой город, переживший ад
Блокады,
 все еще больной
Воспоминаньями, —
 такой
Объят сегодня тишиной,
Что кажется,
 трамваи спят
И замер транспорт городской,
Чтоб полной грудью Летний сад
Дышал
 и чтоб Нева могла
Подумать о минувших днях —
Руках, ведерках и санях...
И вспомнить смерть,
 и вспомнить страх.
Какая тишина легла
На город мой!
 Вот — в облаках
Адмиралтейская игла!

И весь он в облаках парит,
Еще неведом, не открыт.

* * *

Ты видел, как разводятся мосты?
Неспешно, плавно поднимают крылья
И замирают,
 словно нет усилия, —
Естественны движенья и просты.

Так ночь за ночью,
 путь открыв судам,
Как бабочки, парят мосты ночные,
И кажется, паришь душою сам,
Обнять пытаюсь берега речные.

* * *

Нева окна почти касается,
Нагнусь — и зачерпну воды.
А в городе уже смеркается,
И все же за окном видны
Две полосы трамвайной линии,
Трамвайчик красный на мосту...
Но позовут меня по имени,
Как будто кликнут за версту.
Я обернусь и в удивлении
Догадок легких наплету,
И, как по щучьему велению,
Поймаю радость на лету.

* * *

Нева, Нева!

 Стократ тебя воспели,
Но встреча каждая с тобой нова.
И ветрено, и чувства на пределе...
Такой простор, такая синева...
Аорта города,
 судьба моя — Нева.

НА УЛИЦЕ ДЕТСТВА

1

Навстречу мне по улице Тамбовской —
Две тоненькие ножки, словно спички,
Два бантика, две рыжие косички,
Пальтишко старенькое и портфельчик плоский —

Идет девчонка.

Я замру в испуге,
Но глаз не разгляжу из-за веснушек.
И все ж она заглянет прямо в душу,
Девчонка, — те же плечи, те же руки...

Я именем своим ее окликну,
И улыбнется, скажет: «Наконец-то
Ты вспомнила себя.

Плохое средство, —
Клин времени не вышибают клином».

Я думала, что двадцать лет в судьбе
Установили новое движение,
Все было — и потери, и свершенья,
Но вот вернулась я к самой себе.

И если книгу детства перечесть
И книгу юности мне перечесть удастся,
Утраченное возвращу богатство,
Забывтое, оставленное здесь.

Я ошибалась, было все не так.
Действительно девчонка шла навстречу —
Такие же веснушки, руки, плечи...
И показалось мне, что это знак
Вновь возвратиться в детство,

перечесать

Неделю за неделей, миг за мигом
Заброшенную в дальний угол книгу —
За песней песню и за вестью весть.

И увидала я отца и мать,
И столик письменный, где мир мой

громоздился...

То распадался он, то возводился, —
Мне нравилось губить и воздвигать.
Уже в то время страстью игрока
Охвачена была, как лихорадкой,
Я мучилась и билась над тетрадкой,
Разгадывая тайны языка.

Врывалось время, превращая в прах
Всех вымыслов моих несовершенство,
Чтоб вот теперь вдруг ощутить блаженство,
Увидев девочку с портфельчиком в руках.

* * *

Помню, в час беззаботный
Мы с друзьями спешили
На пустынный Обводный,
Где поблизости жили.

А потом разбредались
По домам в одиночку
И прощанье старались
Выпивать по глоточку.

И никто не заметил,
Сколько лет миновало, —
Тот же вечер и ветер
Над Обводным каналом.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

За окнами уж голые стволы,
А здесь большие голые столы,
Но книги принесут,
и станет здесь
Смещаться день во всем,
что только есть.

Заплачу или тихо засмеюсь,
А зачитавшись, даже поделюсь
С героем книги думою своей
И с автором давно минувших дней.
Забудусь в книге и забуду я
Людей склоненных, день календаря.
Очнусь — вот профиль, впереди — спина,
И золото волос, и седина.
Здесь сам читальный зал хранит покой
Читающих, летящих над землей,
И знаю, что я тоже среди них,
Как книга, что читаю среди книг.

* * *

Дорогой мой, знаю, не права,
Горяча, рублю сплеча, —
Знать, бросаюсь фразами пустыми,
А потом твое целую имя.

Не права бываю, ты прости,
Пепел времени держу в горсти.
А любовь жива, любовь бесценна
В долгой жизни,

что и впрямь мгновенна.

* * *

Над городом моим летит февраль —
И двадцать восемь у него мгновений.
Но вместе с памятью уходят вдаль
Печаль и радость новых повторений.

И лишь четыре выдавшихся дня
Помедлят, чтобы помнить воскресенье,
Чтоб в вихре века все же пить до дна
Раздумий тишину и ветра дуновенье.

* * *

Вот дерево, еще совсем нагое,
А корни на пригорок положило,
Как древний старец на колени руки.
Ветрами плоть его насквозь прошило,
Но странно — состояние такое
Привычно дереву и болью не грозит.
Оно ветвями тянется к округе,
Как будто в даль, задумавшись, глядит.

А даль приходит с четырех сторон —
Рекой, тропой, домами, пустырем...
И дерево стоит, как верный страж
Над постоянством, иль судьбу пророчит,
Ветвями обнимая дни и ночи
И нам прощая век короткий наш.

* * *

В квадрат окна заключено пространство —
На фоне неба крыша и труба.
О, как прекрасно это постоянство
И как необходимо иногда!

И кажется, изменчивость любая
Пред этой простотой не устоит,
А даль, в оконной раме застывая,
Задумчивою вечностью горит.

* * *

Как мы молоды, свободны
Старым городом бродить,
То Фонтанкой, то Обводным
Круг событий обводить.

И судьбою нам дается
Петь и плакать над Невой,
И родиться здесь, сдается,
Выпал жребий золотой.

* * *

Годы — как проходные дворы,
Прохожу их насквозь, возвращаясь...
Но уже выхожу из игры
И с друзьями почти не встречаюсь.

Я в дороге отстала от них,
Может быть, пропустила удачу
И годами пишу черновик,
А они уж решили задачу.

* * *

Но даже в перекличке тем,
В преемственности прежних правил
Столь многое дается всем,
Что кто сумел,
Тот след оставил.

ОСЕНЬ

Осень — праздник печали...

Но в юности не было часа,
Чтоб насытиться красками

парков, бульваров, лесов,
Потому что делился мой день на неравные части —
Институт и работа, а отдых — каприз величайший,
Без которого я обходилась, в конце-то концов.
Радость — осень любви,

но как быстро она пролетела,
От любви я ослепла тогда

и прозрела с трудом.
Денег не было — жадная молодость много хотела,
Дома не было — комнату сняли внаем,
Но мы были богаты, мы были с тобою вдвоем!

Прошлогодняя осень...

Да разве я помню так остро
Щедрость красок осенних
и листья в закатных лучах.

Лбом прижавшись к стеклу, я смотрела на них,
как с откоса,

А четвертый больничный этаж только множил
вопросы

О судьбе и о жизни...

Но кто-то в окошко кричал,
И ему отвечали оттуда, где осень дышала.
Мне тогда показалась возможность пройти по земле
Высшей радостью, чудом...

И нужно мне было так мало —
Хлопнуть дверью больничной,
забыться в осенней листве,
Ощушая свободу, и видеть в лихом мотовстве
Танец масок, огни и причудливый строй карнавала.

От раздумий очнусь — снова осень стоит за окном,
Опыт долгим дается гореньем, страданьем, трудом.

* * *

Я тихо от тебя иду,
И город царственно спокоен.
Светло — и весь он на виду,
Он сотворен, а не построен.

Я тихо от тебя иду.
Все кончилось. Теперь начнется, —
И за вчерашний день в бреду
Мне днем сегодняшним зачтется.

Так тихо дышится душе,
Как будто вымерло страданье.
И, как штрихи на чертеже,
Впечатаны в пространство зданья.

Сознание ясно! И все ж
Так пусто, что готова вскрикнуть.
Заиндевелых веток дрожь...
И к городу все не привыкнуть...

* * *

Я отца похоронила,
Далеко его могила,
За чертою городской,
За чертою, за чертой.

Но остался он живым,
На своем сидит диване,
На столе вино в стакане,
Папирос привычный дым,
Бой за шахматной доской
Каждый божий день-деньской.

То прикрикнет, то погладит,
То расскажет анекдот,
Все, что накопилось за день,
И подарит, и возьмет.

Что же с нами будет, мама?
Рана ноет, ноет рана...
И нашел ли он покой
За чертою, за чертой?

* * *

В том городе, где наши судьбы,
Как две реки, переплелись,
И подсудимые и судьи
В нас так естественно сжились,
Что оправдать себя труднее,
Чем оправдаться. И молчать
Отныне кажется мудрее,
Чем закричать...

* * *

В Комарово поехать — какая удача,
Там от воздуха пьяный.
И — возможно ль забыть? — там могила и дача
Ахматовой, Анны.

Если вечером выйду навстречу закату
Прямо к кромке залива,
Не забуду, что этой дорогой когда-то
Шла она молчаливо.

Над могилой умоюсь слезою соленой,
По стихам затоскую...
И увижу ее над тетрадью склоненной —
Живую.

ПЕРЕОЦЕНКА ЦЕННОСТЕЙ

Переоценка ценностей идет,
Смотрю на то, что в юности пленяло,
Как на еще зеленый плод,
В котором существа и вкуса мало.

Наоборот, что было далеко,
Казалось книгою закрытой,
Не опьяняло, не влекло, —
Теперь надеждой стало и защитой.

Быть может, опыт жизненный ценней,
А может, юность с легкостью суждений?
Но жизнь идет,
и годы, как ступени
Преодоленной лестницы твоей.

Быть может, через десять лет иной
Появится масштаб познания мира,
А нынешнее будет шуткой милой,
В сравненьи с этой новой глубиной.

Возможно, что потом, в конце пути,
И жизнь самую оценим мы иначе.
Но в том и сложность нравственной задачи,
Чтоб в постиженьи мир приобрести.

* * *

Маме

Мама ты моя серебряная...
Отвечаешь мне: «Седая».
Мама ты моя серебряная,
А по сути — золотая.
Все, что в силах, я бы сделала,
Чтоб болеть ты перестала.
Мама, лебедь моя белая,
Боль моя, мое начало.
«Не особенная, средняя», —
Говоришь, судьбу латая.
Мама ты моя серебряная,
А по сути — золотая.

Трамвайный перекресток

1987

* * *

Твои черты знакомы с детства мне:
Вот здания Сената и Синода
И памятник работы Фальконе.
Как календарь, листает время годы.
Нева! Как много здесь живых примет
Открытий юношеских, узнаваний!
Кунсткамера и Университет,
Ансамбль стройный эрмитажных зданий.
Канавка Зимняя... То тут, то там
Мелькают Лиза, Германн и Евгений.
Взлетать мостам, рождаться здесь стихам.
О, город мой! Непостижим твой гений.
От ветра поднимаю воротник...
Двадцатый век, пора восьмидесятых.
Они еще войдут в страницы книг —
Тревожные сегодняшние даты.

* * *

Проходит сквозь жизнь мою город,
То осень, то ладожский лед...
Все это судьба, от которой
Никто никогда не уйдет.

Мелькают подъезды, квартиры,
Учебник, тетрадка, манжет...
Теперь они, как сувениры,
В копилке утраченных лет.

Взмывают знакомые перья.
Учусь я опять и опять
Во имя добра и доверья
Свой век над Невой коротать.

Проходит сквозь жизнь мою город,
То осень, то ладожский лед...
Но годы теперь — кредиторы,
Растет неоплаченный счет.

И нужно спешить и трудиться,
Врастая в хребет городской,
Пока быстрая птица
Летит и зовется судьбой.

* * *

Ах, поблуждать бы, словно лет и не было
И юность нас еще не миновала,
Дорогой вдоль канала Грибоедова
От Невского до Крикова канала.

И замереть остолбенело, встретившись
С голубизной Никольского собора,
Пока друзья, по-детски в воду свесившись,
Ведут запальчивые разговоры.

Так создан человек — он новым зрением
В былое смотрит, сам того не ведая.
Меняются года и поколения,
Пока иду каналом Грибоедова.

ГОРОДСКАЯ ЗАРИСОВКА

Девочка рояль терзала,
С ненавистью глядя в ноты.
У нее свои заботы,
У меня свои заботы.

Во дворе сидели парни
И травили анекдоты.
Что ж, у них свои заботы,
У меня свои заботы.

Женщина с тяжелой сумкой
Шла угрюмая с работы.
У нее свои заботы,
У меня свои заботы.

Интуристы в Эрмитаже
Ахали от позолоты.
Что ж, у них свои заботы,
У меня свои заботы.

Удочку в Неву закинув,
Старичок все ждал чего-то.
У него свои заботы,
У меня свои заботы.

Но меня вдруг осенило:
Это я рояль терзаю
И брожу по Эрмитажу,
Анекдоты рассыпаю
И ташу пуды продуктов,
А потом варю, стираю,
Мою, глажу, постилаю...

Это я, к Неве склонившись,
Жду неведомо откуда
Хоть малюсенького чуда,
Хоть малюсенького чуда.

В ПРОМЕРЗШЕМ ТРАМВАЕ

К окну прислонившись в промерзшем трамвае,
Сидишь, и других, и себя забывая.
Мелькают кроссовки, потертые джинсы,
Веселые шапочки, новые жизни.
В промерзшем трамвае, но старом, скрипучем,
Мечталось когда-то о времени лучшем.
Тогда в допотопном постылом пальтишке
Ты был наподобие серенькой мышки.
Но как там мечталось — в промерзшем трамвае —
О хлебе, о платье, о призрачном рае,
О сцене — свет ramпы, волнение, твой выход...
И... «Граждане! — (это кондуктор) — На выход!»
Пестрели витрины, афиши, киоски,
А ты на трамвайном стоял перекрестке,
Глазея, как старый трамвай исчезает,
Как дерево в черное небо вращается.
И вот он — трамвайный, живой перекресток.
Старик мельтешит, пробегает подросток.
Каких-нибудь лет восемнадцать ходьбы —
И снова он твой — перекресток судьбы.

* * *

Застенчивость и угловатость в детстве
С безудержною лихостью в соседстве
Друг друга не хотели исключить —
Срослись. И я росла утенком гадким —
Собрание скул, коленей и ключиц,
Нелепые и странные повадки.
Но книги... Я зачитывалась, право,
Они опорой были и отравой,
Чужие жизни — кровные, мои,
Я прожила их, радуясь и плача.
Менялись роли, но игра в крови
Живет, зовет к рискованной удаче.
Так тянет в детство, что забыто там?
Опять на солнцем залитой поляне
Мелькают пятки, мчится по пятам
За мной из детства девочка в панаме.

* * *

Изменился даже образ, даже облик.
Человека не узнала бы я сразу,
Если бы не этот голос, этот оклик,
Не ершистая мальчишеская фраза.

Изменился, изменился мой приятель.
Хуже? Лучше? Для меня совсем неважно.
Время — самый удивительный ваятель,
Присмотревшись, убедится в этом каждый.

Но так странно... как тетрадка сшита скрепкой,
Скреплены и нашей жизни эпизоды
Школьной партой, белым бантом, серой кепкой,
Группой «Битлз», Брижит Бардо на гребне моды.

Патефоном скреплены и Пастернаком,
И ершистою мальчишескою фразой.
Оклик детства... не бегу за этим знаком,
Я его и узнаю теперь не сразу.

ЮНОСТЬ

Тех, с кем прошла наша юность,
пожалуй,
Мы не всегда и припомним.
Но все же
Юность сама в нас сидит,
словно жало,
Как ни стараемся,
вырвать не можем.

* * *

Каждым днем дорожить научиться пора бы,
а впрочем,
Серпантин наших дней так непрочен
и призрачно пестр...
А когда вдохновение приходит,
душевный захлест,
Столько счастья дается,
что смерть нас и трогать не хочет.

Сию я тихо на земле,
Качаюсь
 в такт
 лесному ветру.
А кажется,
 сию в седле —
Лечу по белу свету.

* * *

Раз в деревне —
 так в лес,
 по ягоды.
Ах, какие
 ягоды —
 ябеды.
Попадётся,
 выдаст подружку.
Пропадать,
 так в общую кружку.

* * *

Озеро плескалось у калитки,
Омывая двор и огород.
Облаков серебряные слитки
Падали в ночной круговорот.

Дом друзей совсем свалился набок,
И не дом — домишко-старичок.
Но усталым людям много ль надо,
Если уж вступили на порог?

Обступил нас шаткий быт Наташин.
Дом отца не так уж был далек,
Но оттуда Александр Яшин
Дочку навестить уже не мог.

Рядом монастырская ограда,
Ферапонтовские купола...
Но усталым людям прежде надо
В тесный круг собраться у стола.

И летели над ночным простором
Голоса веселые и смех.
О, короткий жизни час, в котором
Столько можно залатать прорех!

Жажду утолить, наговориться,
Разделить с хозяйкой хлеб и кров,
Под веселым пологом из ситца
Прячась от зловещих комаров.

ИНВАЛИД

Бедолага идет, горемыка,
Припаяв прямо к сердцу костыль.
И судачат соседки: «Гляди-ка,
Может, снова скопил на бутыль».

Через дворик бобыль ковыляет,
Пыль к ботинкам его приросла.
А соседка соседке кивает:
«Женишок в магазин поплелся...»

Он и рад бы словцом отшутиться —
«Полно, бабы, чесать языком!»
Но душа его, тощая птица,
Знать не хочет давно ни о ком.

Растеряла веселые перья,
Постарела, облезла вконец.
Бьется в ней голосок недоверья,
И слаба она, словно птенец.

Снова ноют военные раны,
Непогода, весна, ледоход...
Фильмом плохо проявленным, рваным
Жизнь его перед ним промелькнет.

Проплывают огромные льдины,
Постоит человек над водой...
На закате второй половины
Жизни трепетной, трудной, сквозной.

* * *

Язык взглядов —
Я разучилась этому языку.
Твой взгляд обжигает,
А мой наводит тоску.
Трудночитаем
Весь смысловой ряд.
Я отвечаю,
Да всегда невпопад.

* * *

Море! Да с чем это счастье сравнится —
Плыть, над волною взлетать, словно птица,
Или недвижно лежать на спине...
Знаю, что воля отпущена мне
Этой зеленой, соленой водицей.
Вот и стремлюсь я продлить эту волю
(Там, на земле, столько горечи, боли...),
Хоть ненадолго освободиться
От обязательств, надежд и забот
И не смотреть ни назад, ни вперед.

* * *

Со мною случилось счастье
Стихи писать.
Какою высокой властью
Мне дана эта власть —
Над небом и океаном,
Осенью и зимой,
Над тобой, окаянным,
Властвующим надо мной.
Да что там перечисленья!
Такая радость дана,
Такое дано мученье,
Что снова я спасена.

* * *

Служить добру — таков и мой девиз.

Поднимет время

или бросит вниз,

Одарит

иль последнее возьмет,

Затягивая в свой круговорот...

Но что бы ни случилось на веку —

Своей дорогой не пренебрегу.

Иду по ней,

стремясь служить добру.

Век дреплет душу

веткой на ветру.

СЕСТРОРЕЦКИЕ СОСНЫ

Сестрорецкие сосны, опухшие снежные лапы...
Серебрится ледовое поле морского залива.
Снегопад и мороз. Люди спрятаны в белые латы.
Вот — живи и дыши!

Отчего ж так душе сиротливо?

Сестрорецкие сосны...

У них времена за плечами,
А короткое время мое, словно свечка, стораит.
Появилась собака из снежной всклокоченной дали,
И, конечно, зевая, мне подобных, нещадно облает.
Вот — живи и дыши!

Столько свежести в снеге хрустящем!
И возможно представить

в запасе лет двадцать с подвеском...
Отчего же, душа, так болишь ты в моем настоящем,
Ни на миг не давая забыться в лесу сестрорецком?

* * *

Опять уходит год — огромный пласт
Подвинут памятью и скоро будет сброшен
В то прошлое, где тени мучат нас,
В безвременье, одною из горошин.
Возврата нет, отрезан путь назад,
А кажется, все в миг перекроил бы.
Вот новый год, живи на новый лад,
Крой свой путь, есть ножницы, есть иглы.
Но завтрашнее словно за чертой
Возможного и беспокоит мало.
Страшнее, что последний золотой,
Последний день в году уже я разменяла.

* * *

Хотя бы раз в году, собравшись у подруги,
По кругу почитать, послушать, чем живем...
Как лошади порой нуждаются в подпруге,
Опору обрести нуждаемся и ждем.
Ждем взгляда и смешка, смешенья быстрых
реплик,
Надежной похвалы и критики скупой.
О, так соблазн велик, что, безнадежный
скептик,
Душа моя спешит в турнирный этот бой.

ЛЕДОХОД

Неустойчива эта весна — перепады погоды.
Ледоход покидает Неву черепашьям шажком.
А на Невском как будто идет демонстрация
моды —
Люди в красном, зеленом, кирпичном, бог знает
каком.
Так и жизнь, милый друг,
перепады сплошные, контрасты.
То заломит нам руки,
то в крепких объятьях сожмет.
Оглянись, удивись,
сколько было усилий напрасных
Устоять, удержаться...
да вот ледоход, ледоход...

* * *

Не приложу ума,
Пора ли ставить точку?
Сижу среди бумаг
И чахну в одиночку.

Танцует стрекоза
Над письменной твердыней,
Летит, куда глаза...
Не мучаясь гордыней.

А мы нелепо вдруг
Обидели друг друга,
И нам не выйти, друг,
Из замкнутого круга.

* * *

Часто помышляя о большом,
Дорожа мгновением и днем,
Рвем, не замечая, нить общенья.
Вот мы и беднее во сто крат.
Люди не прощают отчужденья —
Не зовут,
 не ждут нас,
 не звонят.

* * *

И время уходит, и жизнь коротка,
А все-таки мало пишу я —
Хочу, чтобы долго хранила строка
Сок яблока, вкус поцелуя.
Беседы с друзьями, и муку утрат,
И музыку неба ночного...
Наш короткий век — длиннее стократ
Судьба настоящего слова.

* * *

Наши дни промелькнут,
но не свыкнуться нам
С этой истиной грустной,
что жизнь быстротечна.
Возвращаемся памятью
к прожитым дням,
Чтоб ясней разглядеть,
что накоплено там,
Что развеяно в прах
на пути вековечном.

Краски дня

1988

* * *

Молчим перед окном, открытым в город
(И постепенно отпускают нервы),
А за окном раскинулась река.
Там голоса людей и птичий гомон,
Там по граниту движутся века.
Как хорошо бы знать, что мы бессмертны!
Что смертны —
знаем мы наверняка.

1950-й ГОД

Приметы времени были конкретны:
Слоники на буфетах, вышитые подушки,
Коврики на стенах, фантики конфетные —
Их коллекционировали подружки.

Коврики часто изображали русалок,
Уплывающих в неоглядные дали,
Или сердца, инициалы
И стрелы, которые сердца пронзали.

В одном жилище полуподвальном
Шумного дома в старом районе
Бывала и я в раю коммунальном
Среди голубков на цветном картоне.

Жили подружки и не тужили,
А моя семья была вне закона.
И стрелы, которые сердца пронзили,
С самого детства мне были знакомы.

Проплывали русалки, даря улыбкой,
Розовели, краснели цветы герани...
В пятьдесят шестом назовут ошибкой
То, что долго переходило грани.

В шумном полуподвальном жилище
Я себе не казалась на свете лишней,
Хотя и выросла на пепелище,
Позднее названном культом личности.

Словно бумажный цветок к одежде,
Приметы к времени прирастают.
Меняемся мы, и ветры свежие
Нас обнадеживают и спасают.

* * *

Наговорились, столько ран
Сумев разбередить,
Что стал еще страшной обман,
Нам помогавший жить.

И надо что-то предпринять,
Всех идолов круша.
Но не приобретать — терять
Приучена душа.

И так связали крылья ей,
Что не спешит в полет.
А рядом ловкий прохиндей
О перестройке врет.

Но перестройка — не аврал,
Глубинный сложный путь
К основам нравственных начал,
В которых жизни суть.

* * *

Я бы тебе разъяснила, что происходит
вокруг,

Друг!

Наступила оттепель, но еще лежат льдины.

Что мы знаем, заглядывая в глубины

Века?

Что узнаем?

С новым временем вас, друзья!

А с тобой я хочу

Вдвоем

Посидеть над картой детства

Ветхой,

Вспоминая то,

Что вчера еще было нельзя.

И душой надорваться,

И попытаться

К древу нового времени

Прирасти живой веткой.

* * *

Расходились под утро
И брели сквозь туман,
И казалось мне, будто
Здесь какой-то обман.

Провожал нас хозяин,
О пальто позабыв,
И смотрел, как петляем
В переулках пустых.

За углом, у канала
Мы прощались, смеясь,
До другого квартала
Мчались тени, сместясь.

И куда мы? И кто мы?
И зачем нам спешить
Из нагретого дома,
В переулках кружить?

Словно кем-то придуман
Этот темный канал,
Словно кто-то нас сдунул
И совсем потерял.

* * *

Дни лучшие остались позади,
И время их в муку перемололо.
Друзей я растеряла по пути.
Терять — легко, трудней — приобрести.
Страсть, как болезнь из тела молодого,
Ушла, освободила от пустого
И бесконечного паденья вниз
Зима...

Невидимые пальцы кружевниц
Плетут узоры ниткой серебра.
Рассматриваю чудные труды.
О, как люблю я обходить с утра
Знакомые пруды, кустов ряды...
Зима...

Вы посмотрите, как точны
Штрихи ветвей на чистом снежном поле.
Я знаю, дни еще не сочтены,
Душа причастна радости и боли.
Так первозданна каждая зима,
Что кажется, здесь опыт ни при чем.
Но в том и суть, что весь он привлечен
На помощь постижению мгновенья.
От горя ум и горе от ума...
Хотя слабеть с годами стало зренье —
Душа быстрее стала прозревать.
Смерть? До нее всегда рукой подать!
Но смерти нет.

* * *

Февральское солнце коснется вершин
Заснеженных сосен...
(Какие дела в этом мире вершим?
Куда нас течением сносит?)

И преобразится знакомый пейзаж.
А с нами такое случится,
Чтоб прожитой жизни оставить багаж
И преобразиться?

ВЕТЕР

Ветер словно сорвался с цепи,
Гонит, гонит Неву к наводненью,
И летит, словно смерч по степи,
И качается, как привиденье.

Не пройти, он хватает за плащ,
Хлещет, словно плетьюми избивает,
Никуда не укрыться — хоть плачь, —
Он по Марсову полю гуляет.

Он гуляет, преграды круша,
Сея хаос, пугая прохожих.
Может быть, разболелась душа
У него, сумасшедшего, тоже.

* * *

Голоса друзей привычно
С улицы в окно влетают,
Словно избранные птицы
Из огромной птичьей стаи.

Раньше, чем звонок в квартире
Прокричит об их приходе,
Различу пять-шесть фигурок
Во всеобщем хороводе.

Станет в комнате светлее
От одной улыбки друга,
И уже не сила воли —
Парус твой, а сила духа.

* * *

Я думаю о тех, с кем часто говорю,
Делю насущный хлеб, заботы и тревоги.
Мы вместе родились, и по календарю
Не за горами день, чтоб подвести итоги.

А впрочем, знаю я, что далека от всех.
Себя спасаю я защитной оболочкой.
Живет двойник. А я, забыть о нем успев,
То в пропасть падаю, то озаряюсь строчкой.

* * *

Глебу Сергеевичу Семенову

Задую чужие стихи, как свечу,
Не страшно обжечься, помедлить хочу...
Я в эти стихи чуть позднее вернусь,
В сады человека, которого нет.
В жилище его, в беспросветную грусть
Последнего года его бытия.
Я знала его, понимала — поэт.
Но только сегодня, в строку за строкой
Входя
И его пробиваясь тропой,
Его открывать,
Узнавать стала я.

* * *

Как-то странно двулик
Облик твой в этот вечер.
Подниму воротник,
Спрячу голову в плечи.

И рывком обернусь —
Ничего не случилось.
Не кромешная грусть,
А кромешная милость.

Все как прежде, дружок,
И уж поздно, ей-богу,
Замерев, сапожок
Мне бросать на дорогу.

* * *

Талые воды, грязные...
Первый снег сник.
Какие мы все разные —
Ценители книг.

И то, что одних радует,
Бросает других в дрожь.
Одни одержимы правдою,
Другим подавай ложь.

Наверное, правды разные
У разных людей. Стоим
За гласность и правду празднуем,
Портя праздник другим.

* * *

В промозглый день столь горьких похорон
Очнусь — лицо знакомое в толпе.
И вздрогну — ну, конечно, это он!
И удивлюсь морщинам, седине...

Февраль — но только двадцать лет спустя.
И надо ж было встретиться опять,
Когда не до тебя, не до себя...
Здесь смерти незакрытая тетрадь,
И ветер, исхлеставший до костей,
И отголоски скомканных речей.

В промозглый день столь горьких похорон
Он шепчет: «Запиши мой телефон».
А я молчу. Мне двадцать лет спустя
Не до него, да и не до себя.

* * *

Двадцать с лишним лет миновало.
Странно было свидеться снова.
Потрепала тебя жизнь, потрепала,
Перелицевав тебя словно.

Ты сидишь и горькую глушишь,
Смотришь на друзей горьким взглядом,
Песню тянешь, рвущую душу,
И смеешься с горьким надрывом.

Тропки пролегли в крыльях носа,
Голова твоя поседела.
Странно было свидеться снова
У последнего, быть может, предела.

НАПУТСТВИЕ ЛЕГКОМЫСЛЕННОМУ ПРИЯТЕЛЮ

Спеши!
Не пропляши всей жизни, опиши,
Какой отведал лжи,
Какой вкусил отравы.
Презревшие тебя
В своем презрении — правы.
А я найти хочу
Родник
Твоей души.

* * *

Друзья многолетние,
родственники по духу,
Может быть, и по крови
родственники уже.
Разделить свою радость
я позову подругу,
Я закачу пирушку
для родных по душе.
Чашу пушу по кругу, —
радуемся не часто.
Чаше дела земные
держат в своей узде.
Провозглашайте тосты,
передавайте чашу,
Друзья многолетние,
родственники по судьбе.
Многое не свершилось,
многого не успели,
Попусту расплескали
щедро за часом час.
Но в испытаньях жизнью
дружбой не оскудели,
Ее обожгла печь времени,
словно одну из чаш.

Где-нибудь в электричке,
Иль на скрешенье улиц —
Так и не расходились
Они в кинокадре памяти

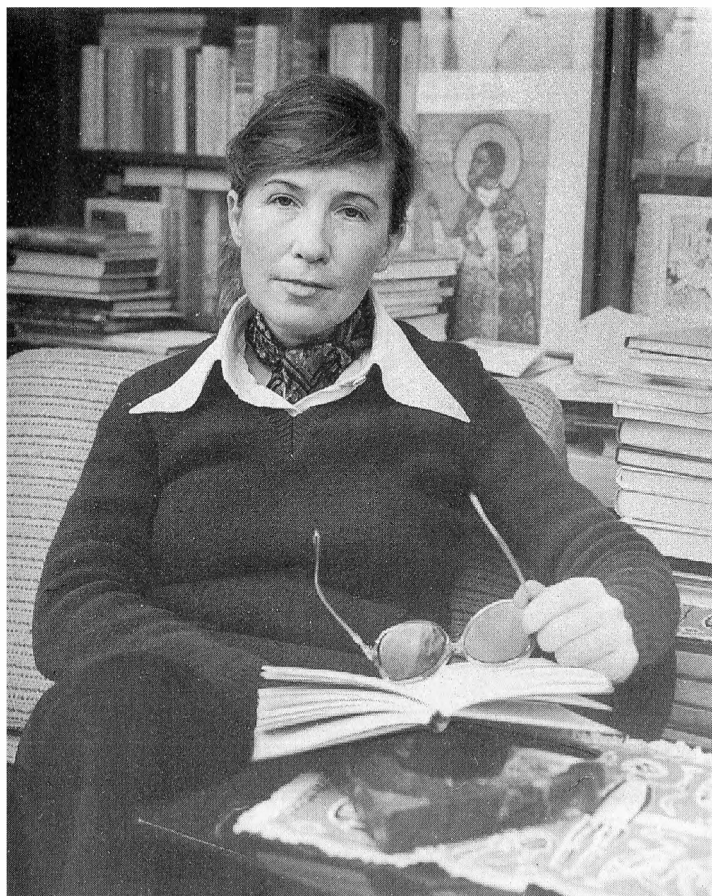
в ритме будней привычном,
вдруг оглянуться назад —
друзья мои закадычные,
со мной за столом сидят.

* * *

Что сделаешь, и близкие по духу,
С годами мы теряем радость встреч.
Мы встречами готовы пренебречь,
Чтоб только в тягость нам не стать
друг другу.
Мы прячем боль души и мыслей муку.
Живем, стараясь не обидеть муху.
Боясь себя, теряем радость встреч.

* * *

Вновь надолго не пропади,
Защити меня, запрети
Надрываться душой напрасно.
Продержи меня взаперти —
На свободе мне быть опасно.
А вот выплакаться на твоей груди
Так прекрасно!
Обними меня,
От беды меня
Огради!

ПОСТУПОК

Готовясь долго совершить поступок,
Оправдывающий мой взгляд на мир,
Я знаю: нервам — никаких уступок,
И так сомненье жадно, как вампир,
Пьет кровь, лишает ясности рассудок.

Я взвешиваю, словно на весах, —
Быть иль не быть? Как в драме у Шекспира
Стоят и страх, и совесть на часах.
Но если битву выиграет страх,
Тогда не нужно мне ни времени, ни мира.

* * *

Иногда, теряя вдохновенье,
Живописцы обретают рвенье
Ничего нигде не упустить,
Никого не пропустить вперед.
Но, беря из рога изобилья,
Вмиг они мрачнеют от бессилья,
Если просто яблоня цветет.

* * *

Я лежу на высокой постели.
Небо, дерево, день — в самом деле
Существуют.

Нелепо, но так.
Я смотрю в этот рай законный,
Отлетевший уже, незнакомый,
Где значителен каждый пустяк.
Для меня приготовили склянку,
Пахнет камфорой и тишиной.
Поднялась моя жизнь спозаранку
Посмотреть, что случится со мной.

* * *

Нет, ты меня не вопрошай
И рук навстречу не тяни.
Я шла, шагнула через край...
Но это тайна —

не мешай

Остаться мне в тени.
Так благодатно за чертой
Возможного

мне быть.

Ты не кричи во тьме ночной,
Черту не сможешь ты, друг мой,
Вовеки заступить.

•

* * *

Богиня старости — дочь Ночи и Эреба,
Ты, Сенектута, в двух шагах от неба.
Ты духов смерти подпустила близко,
Заворожила их своей игрой, —
Богиня ты для них и одалиска,
Так тянутся к тебе и за тобой,
Танцуя страстный танец роковой.

Но ты и нам день ото дня все ближе,
Так очевиден танец твой бесстыжий,
Смеешься мне в лицо беззубым ртом,
Мол, за углом уже стоит кибитка,
Указываешь путь в свой шаткий дом.
Но рано ты пришла — потом, потом
Отведать дашь последнего напитка.

ЗА ЧАЕМ

Спокойно двигаются чашки
Из рук хозяйки вдоль стола.
Я вижу, вышиты ромашки
По глянцу толстого стекла.

И обжигаюсь взглядом: лица
Друзей моих — не молодѳ.
Но этот вечер длится, длится...
Как будто прячет от беды
Людей, собравшихся за чаем.
Да, в чае мы души не чаем.

* * *

Менялись краски дня неоднократно.
С рассвета и до полосы закатной
Преображались зданья и вода.
А что творилось в небе! В белой пене
Клубились облака, вели ступени...
Куда? Мы не узнаем никогда.

А вечером вдруг небо стало серым
Единым полотном над нашим нервным
И покидающим планету днем.
Напрасные усилия, волненья
Сопровождали день. Еще сомненья:
Зачем живу? И правильно ль живем?

* * *

Последнего летнего месяца дни истекают.
К дождям и ветрам ленинградским пора бы
привыкнуть.

Но крымские камни сжимают мне память
тисками,
И море никак не уйдет, словно требует выкуп.

Морская волна настигает и денно и ночью,
Хотя наш союз волей дней уходящих —
расторгнут.

И что ни скажу я о море, все будет неточно.
Да разве восторг передашь описанием восторга?

Беседы с людьми и стихов голоса воскресают,
Звенят под ногой уводящие в гору ступени,
Мелькают улыбки огней и курортных красавиц,
И мчатся волна за волной, словно лошади в пене.

И, словно волна за волной, налетят и исчезнут
Мгновенья мои, и твои, и любого живого.
Поглотит их время и бросит в безвременья
бездну...

Но доброе дело пребудет и доброе слово.

* * *

В навязчивых мыслях ухода, прощанья
Забыты забитость и страх.
Латаю дыру на клочке мироздания,
Но бездна лежит в двух шагах.

И, глядя в нее, ощущаю острее
Всей прожитой жизни тщету.
Назад не шагну и вперед не посмею —
Везде прочертили черту.

* * *

Стихов и писем стынет пепелище,
А по ночам костлявая ручища —
Во сне ли, наяву...

за мной, за мной!

Как тщательно для нас рыхлятся грядки...
Нет, никому я не желаю зла.
И если спросят, как мои дела,
Я тотчас же отвечу: «Все в порядке».

* * *

По секрету признаюсь, что я и не стою даже
Всех своих регалий — вериг на самом-то деле.

Я по ту сторону жизни была дважды.
Тело окрепло в душе, душа в теле.

Каждый день, кажется, живу на пределе.
Пью напиток судьбы —
не утолю жажды.

* * *

Вот и вышла моя новая́ книга,
И тревога бьет меня мерзкой дрожью.
То коней за мной примчится квадрига —
Тварь дрожащую спасти, птишку божью.
То раздастся телефонное пенье —
Кто-то станет восхвалять мои строки.
Вот и кончилось счастливое бденье,
Нужно трезво отбывать свои сроки.

* * *

Я забываю слово
За сутолокой буден,
Нет смысла никакого
Внушать себе стократ,
Что год не в меру труден,
Что кто-то виноват.

Душа, как лес осенний,
Прихвачена морозом,
Я не ищу спасенья,
Ведь лес осенний гол.
Живу надеждой — разом
Ожить в тебе, глагол.

Приносит зрелость радость,
И не пугает старость,
Столь многое хотелось
Успеть, и, может быть,
Еще вернется смелость,
Как встарь, заговорить.

Над темной водою канала

1994

* * *

Э. К.

Разделив на двоих годы жизни, печальной и дикой,
Кое-как мы пробились, пройдя нищеты лабиринты.
Коммунисты выходят на праздники с красной гвоздикой.
Как мне все они чужды! Мне нужен и вправду одинаты.

В этой лживой стране мы росли, бились в этой системе.
Слава Богу, что рано друг друга во тьме отыскали.
Мы чего-то достигли, участвуя в массовой сцене.
Место действия нам очертили стальными тисками.

Время действия — дети XX века и съезда.
Хорошо, что успели шагнуть мы навстречу друг другу.
Ничего не хочу: ни наград, ни богатств, ни отъезда...
Но прошу тебя, крепче сожми и держи мою руку.

СТАРАЯ ЖЕНЩИНА

В кафе за рюмкою ликера? Коньяка?
Она сидит, не вглядываясь в лица,
Жизнь продлевая. Смерть наверняка
Придет — и нет причины веселиться.

Мир изменился, стал он — одинок.
Муж умер, друг оставил, сын женился...
Упал на лоб неловкий завиток,
Сползли очки, чулок неловко сбился.

Седого пепла горка выросла
В стеклянной пепельнице. В рюмку молча плача,
Она припоминает скрип весла,
Букет цветов, хмельной фокстрот на даче.

В кафе за рюмкой коньяка? Вина?
Она сама с собою сводит счеты,
Дивясь тому, как возросла цена
За каждый день, как дешевы банкноты.

Но скоро подойдет официант —
Не все же раны беречь ей, бредить.
Всплывает черный креп и белый бант,
И снова скрип весла и белый лебедь.

СКОРАЯ ПОМОЩЬ

Под окном машина «скорой помощи».
Лучше и не думать бы о ней.
Так светло мне было этой полночью —
Столько звуков, замыслов, огней!

Но кого-то на носилках вынесут
И положат в узенький фургон.
Улицы мелькнут, дома и вывески,
Фонари, дорога, небосклон...

И, уже не дорожа мгновением
И полночным часом золотым,
Окажусь я рядом с этим пленником
И умчусь в страданья вместе с ним.

* * *

Славный трамвайчик бежит,
Пришпоренный временем
И постоянным маршрутом.
Мелькают места детства...
Выбрасываюсь из памяти
Под цветным ее парашютом.
Стоят дома новые,
Современного кроя.
Они меня знать не знают,
Старых — нет и следа.
За каждый шаг по жизни
Я с детства платила болью.
Зачем же с такой любовью
Возвращаюсь сюда?
Славный трамвайчик бежит,
Сворачивая к Расстанной.
Трамвайчик, пришпоренный временем,
Из которого выпадаю.
Жалкое детство, растрепанное,
Когда же я с ним расстанусь?
Словно дитя бездомное,
К груди его прижимаю.

КАРТИНКИ ИЗ ДЕТСТВА

Детство прошло у канала Обводного.
О, сколько времени было свободного,
Чтоб свой район зазубрить назубок,
Вдоль прошагав его и поперек.

Детство осталось раной сквозной
В памяти. Сверстник стоит за спиной.
Режутся в карты с утра пацаны,
Спа́су от лиговской нету шпаны.

На барахолке — она в двух шагах —
Бродят фигуры в цветастых штанах.
Ноги у них двухметровой длины,
Но не обманут — ходули видны.

Люди торгуют, снуют и орут,
Держит старушка какой-то лоскут,
Кошки-копилки таращат зрачки,
Бабочки-брошки, брелки-паучки.

Ах, поспешите сюда на часок,
В этот отживший, оживший раек!
Вот знаменитый бумажный ковер:
Глянцевый лебедь, бескрайний простор.

Снимки артистов из западных стран,
Булочек сдобных пьянящий дурман...
Бедная мама с корзинкой невзгод
Кукол моих за гроши продает.

Детство прошло у канала Обводного,
Послевоенное детство голодное.
Но, словно губка, вбирала душа:
«Жизнь — хороша, хороша, хороша!..»

1950 ГОД

Ежедневно на скрещенье двух весьма близких улиц,
В непогоду и в морозы, в старом латаном пальто
Появлялась моя бабушка, опустив глаза, ссутулясь,
Руку голую протягивала — может быть, поможет кто.

Кто поможет? — Нищих много, а среди людей приличных
Единицы подавали — у самих карман прогнил.
От шикарных лимузинов и нарядов заграничных,
До этапов и ГУЛага, лазаретов и могил
Было близко. Мост незримый связывал земные бездны.
Но старушка собирала по копейке на хлеб.
Часто дома говорили: «Все усилия бесполезны.
Если в храм вселились свиньи,
вместо храма ходят в хлев».

Бабушка моя... Когда-то целовал ей ручки Репин,
Пели Собинов, Шаляпин... Да чего там вспоминать!
Так и вижу те две улицы, словно высохшие реки,
И фигурку беззащитную, и оскаленную пасть
Времени, его утробу — ненасытную, гнилую,
Что оборвышей колючих не могла переварить.
Но сегодня повторяют: «Аллилуйя! Аллилуйя!»
Можно жить, коль чистят храмы, если вновь свеча
горит.

ПАПУАС

Ничего ужасней средней школы
Не встречала я в стране советской.
Одураченные комсомолом,
Мы возрастали с психикой недетской.
Но была отдушиною класса
География. Ведь наш учитель —
Пьяница, был прозван Папуасом.
Он смотрел, как сквозь увеличитель,
Так глаза его шальные лезли
Из орбит. Забыты были книги.
Он ходил в великом затрапезье,
Да и жил, подобно прощелыге.
Он порой не мог попасть указкой
В материк и плавал в океане.
Волосы торчком, под красной маской
Билась мысль о мелочи в кармане.
И куда класс наш улюлюкал
И над ним подтрунивал по-русски,
Плыл в волнах учитель и баюкал
Мысли о портвейне и закуске.
Иногда к земле Мадагаскара
Прибивало нас, порой — к Аляске.
Нам казалось, что учитель старый
С нами говорил по-папуасски.

Но никто его судьбою странной
Не был возмущен иль озабочен.
Нравилось нам плыть в чужие страны
По одной из жизненных обочин.
Ни доносов не было, ни жалоб
На учителя от подопечных.
Так и помнится он — страшен, жалок,
В страшной школе, в годы дел заплечных.

ДОМ

Я заучила назубок
Подъезд, число ступенек,
Квартиры номер, дверь, глазок,
Нужду, нехватку денег.

Я и сейчас хочу взлететь
На тот этаж четвертый.
Но кто откроет мне — Бог весть,
Мой век здесь — перечеркнут.

Бесцветный дом — наискосок
Заросший скверик школьный.
Я заучила назубок
Свой опыт подневольный.

И незачем спешить сюда,
Как встарь, сбежав с урока.
Не повторю я никогда
Здесь отбытого срока.

* * *

Удивишься далекой любви романтической,
От которой страдал, угасал и взрывался.
Просмотрев свою жизнь, словно фильм исторический,
Покружившись слегка в ритмах старого вальса.

И плечами пожмешь. Сколько сердца растрчено!
Сколько времени этим пожарищем выжжено!
Жили мы в государстве, где все раскулачены,
Как лишенцы, — возможно, любовью и выжили?

ДВА ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

1

Тех, с кем прошла наша юность, пожалуй,
Мы не всегда и припомним, но все же
Юность сама в нас сидит, словно жало,
Как ни стараемся, вырвать не можем.

2

Время течет и сечет, изменяя
Наши черты. Но, пока еще бьется
Сердце, — я знаю, что доля земная,
Как испытанье, любому дается.

* * *

Зимним утром выйдешь из трамвая,
В сотый раз свой город открывая,
И замрешь... Великолепье дня,
Рвущееся в душу превосходство
Набережной, всадника, коня,
Всех деревьев — их сродство и сходство.
Свежий снег, одевший сквер, гранит,
Зданья, фонари, Петровы плечи...
Да спасет нас город! Да хранит
Наши неожиданные встречи!

* * *

Вечерней Невой надышаться успею,
Покамест до дома дойду.
И, может быть, в мыслях своих преуспею,
В дороге держа на звезду.

Она не сорвется, не бросится в бездну,
А будет манить, торопить.
И в том, что казалось уже бесполезно,
Наметится легкая нить.

И странно, увижу — ампир и барокко
Меня провожают домой.
И то не звезда уже — вещее око
Над городом и надо мной.

* * *

Я была далеко, но сегодня, как встарь,
У друзей собрались мы.
Разговором вздохнув отправляемся вдаль,
К пониманию истин.

Разговором так нужно насытиться нам —
Самым близким по духу.
Но ударят часы — и пора по домам,
На прощание — руку!

Может, встреч долгожданной и нет потому,
Что, всегда сокровенный,
Разговор пробивается к свету сквозь тьму
Жизни внешней и брэнной.

* * *

Как немного людей, с кем насытиться можно беседой,
Взгляд на вещи сверяя и радуясь общности тем,
Без которых нельзя обезвредить постигшие беды,
Разрешить хоть одну из коварных земных теорем.

Больше тех, с кем не хочется встреч
и случайных застолий,
Тех, кто в мыслях твоих далеко от тебя отстоит.
Но звонит телефон, и болтает поэт-алкоголик
Про большую поэму, безденежье, острый цистит.

Как немного людей дорогих... А с годами все меньше.
Ищешь выход из бездны, оставшись один. И тогда
Открываются светлые ризы: притронься, надень же! —
Отрываясь от жизни, похожей на биржу труда.

* * *

Скрипит надоедливо дверь
В темницу надежд —
Семь раз поначалу отмерь,
Один раз отрежь.

Но знаю, что кровь горяча —
Удержишь с трудом,
Все чаще рублю я сплеча
И плачу потом.

* * *

Над темной водою канала
Замру, отраженья лова
Склонившегося фонаря
Над темной водою канала.

Висит полумесяц кривой
Над темной водою канала,
Как будто из пьесы другой,
Для праздника, для карнавала.

Над темной водою велик
Мой город, над темной водою,
Наверное, люди вели
Веками беседы с собою.

Над темной водою канала
Пульс времени бьется в висок.
Вся жизнь — только несколько строк
Над темной водою канала.

НАД ПРОЗОЙ ПЕТРАРКИ

Как долго Августин
С поэтом вел беседу!
А я брела по следу,
Но был туман густым.

Но чем я дальше шла,
Тем приходилось чаще
Мне проходить сквозь чащи,
Чтоб постигать слова.

Присматривалась к ним —
Стоял меж ними третий,
Горел огонь столетий
Светильником простым.

Там истина сама
Стояла между ними,
Ее твердили имя,
Она — их имена.

Шел долгий разговор
О смерти и о жизни,
О верности отчизне, —
Идет и до сих пор.

В ЛЕТНЕМ САДУ

Веток убранство багряными красками манит,
Но облетает листва, ковыляют деревья в тумане.
Сад и такой — беззащитный, вмурованный в осень,
Сердце щемит и знакомую радость приносит,
Словно живая душа здесь давно обитает —
Плачет, шумит, шелестит и стихи повторяет.

БАБОЧКА

Прижалась бабочка к веселой ткани платья,
Приняв искусственный цветок за настоящий.
О, как легко ее могу понять я!
Вдыхаю запах корочки хрустящей
Румяных хлебов на холстах Машкова,
Цветами Катерины Белокур
Давно населены мои сады.
Но бабочка, ища цветка живого,
Уже вспорхнула. Мальчик-балагур
Помчался вслед за ней,
Как маленький злодей.
В руке его качается сачок,
Наверное, поймает, дурачок,
Потом засушит бабочку в альбоме.
Пойду и я. В пути напьюсь воды —
Мне кружку даст крестьянка Пиросмани,
И задержусь в гостеприимном доме.
Ах, если бы узнать, что будет с нами!
А впрочем, ничего не нужно, кроме
Того, что есть. Земной простор огромен.
Не попадись, как бабочка в сачок,
Не попадись, как рыбка на крючок,
Не пропади, душа, за пятачок!

ЛИСТ

Был зелен этот лист, да пожелтел.
Потом его края коряво дождь изъел,
А ветер, налетев, поранил, искорежил,
Затем поддал ногой и придавил прохожий.

Лист, огоньком мелькни
В промозглый день осенний!
Мы тоже — огоньки,
И тоже — на мгновенье.

* * *

Вдруг среди улицы, людского половодья
Со дна души поднимутся стихи.
Я память вскачь пушу и отпущу поводья,
Но в крик не закричу, пока глаза сухи.

Вдруг среди улицы, где до меня нет дела
Коляскам, сумкам, шапочкам цветным,
Где очередь-змея виляет сильным телом,
Я захлебнусь на миг пространством городским.

Но вот я поднимусь над реками, дворцами,
Над клерком, мчащимся от медного коня,
Над рок-ансамблями, колодцами-дворами...
Мои сограждане, я пролечу над вами —
Сейчас мне не до вас, и вам не до меня.

* * *

Дрозды налетели, склевали крыжовник, умчались.
Хозяева плачут, кричат — ведь трудились, старались.
Они и живут, то батрача с утра, то печалясь.
Состарились, но прижились в безоконном сарае.

Дом — детям, крыжовник, конечно, и детям, и внукам
Да разве дроздам объяснишь и догонишь ли птицу?
Хозяева, правда, привыкли за жизнь к оплеухам,
Но мята цветет, и березка у дома ветвится.

И два старика от зари до зари на участке
В земле копошатся. На птиц они сами похожи.
И тоже нуждаются в солнце, подкормке и ласке,
И доброе слово порой им бросает прохожий.

* * *

Боль прошла, и опять вдоль канала
По привычке идешь, как бывало,
Не спеша, и встречаешь мосты.
Постойшь у ограды, у храма...
Дни теперь, как пустые листы, —
Слишком поздно, а может быть, рано
Записать в них, что выстрадал ты.

* * *

Немотою подернуты стены домов,
А сады шелестят, да невнятна их речь.
Прорубили окно, не щадили голов,
Чтоб чужих привечать, а своих не жалеть.

Петербург, одиночество, бред среди дня...
О, вернитесь, поэты, в мой город больной!
Где была западня, где теперь западня,
Где над вами земля и петля надо мной.

Отшатнись от нее, от проклятой петли.
Ожидает лукавый, что вот — возропшу,
И сжимает он камень, что вложен в прашу.
Словно чайки, сидят вдоль Невы корабли.

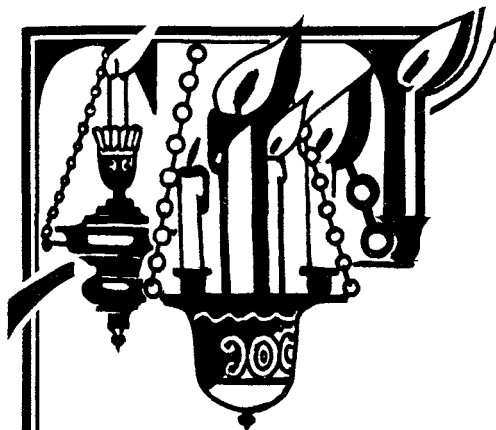
* * *

Лишь на миг уйду в пространство —
Мир души уравновесить.
Чтобы промолчать на хамство
И на подлость не ответить.

Эти университеты
Посложнее высшей школы.
Люди злобой подогреты,
Вот и жгут сердца глаголом.

* * *

Будущее — предсказуемо и компьютеризировано.
Человек — потребитель своих же смелых идей.
Но жизнь моя раньше кончится, она была
спроектирована
На нищий мир репрессированных,
дрожащих от страха людей.
Компьютеризация шагает в другом, параллельном мире,
Так мне кажется, настолько я к ней не готова.
А смерть уже близко, где-нибудь в полумиле,
И скоро душа не выдержит притяженья земного.

**Очнись,
душа моя !**

Этот цикл стихов — книга в книге — имеет особый, завещанный смысл. Дело в том, что Наталия Карпова надеялась издать сборник своих стихотворений, заключавших в себе историю ее нелегкого опыта, ее приобщения к идеалам и заветам Православной церкви.

Осуществить свой замысел она не успела...

Большая часть стихов, вошедших в этот раздел, взята из последней прижизненной книги «Над темной водою канала». В него вошли также стихи из других книг и ранее не публиковавшиеся.

* * *

Светло на душе —
Как прекрасно прощать, не скупясь,
Ничего не оставив в себе,
Чтоб не вскрикнуть от боли.
Солнце щедро палит,
И весною выходят опять
В белый свет —
Почки, травы, цветы, а земля их качает в подоле.
Так и нам обновление дается,
Когда мы щедры.
Так и в нас просыпаются
Новые силы живые.
Я простила тебя
И прошу — о, прости меня ты,
Всех простила от сердца —
Простите меня, дорогие.

* * *

Храм на Крови над темной водою канала.
Спас Вседержитель виден издалека.
Сколько лет прожито, а сделано так мало!
Здесь мы — на миг, Божий Храм — на века.

Как тяжело стоять у креста и распять,
Скорбями, болезнями путь к спасенью ища.
Город, великий город простирает объятья,
Сумерки мне на плечи набрасывает вроде плаща.

Храм на Крови над темной водою канала.
Стою, трепеща, молитву творя.
Бес за душой охотится, наподобье шакала.
Год девяносто третий, пятое сентября.

* * *

В давние годы я диктанты писала в школе,
Их оценивала учительница по шкале

«от двух — до пяти».

Речь шла о существительном,

прилагательном и глаголе...

По каждому счету, предъявленному тебе, — плати.

Плати за ошибки грамматические,

допущенные в диктантах,

Плати за ошибки сердца, ослепленного диктантом любви,

Плати за ошибки в делах, пока живешь в дилетантах

У времени хватких людей, строящих храм на крови.

Нет ничего тайного...

Услышано, сказанное впотьмах.

Свеча под кроватью давно превратилась в огарок.

Наши поступки, помыслы — взвешиваются на весах.

И все о нас известно на небесах.

И ничего на свете не достается даром.

* * *

Детство твое — уродец,
Юность — двуличный зверек.
В славное время,
В славной стране
Ты жил — душе поперек.
И вдруг прозрел и ложный путь обнаружил...
Наг перед Господом, беспомощен, безоружен.

Хватает за горло детство,
Подлая юность — душит.
В славное время
В славной стране
Нам растлевали души.
И вот в прозрении страшном рыдаю среди икон
И возвращаюсь к жизни с собственных похорон.

МАМЕ

Разбирает она фотографий коробки
И зовет: «Хороша все же жизнь, посмотри!»
Вот пикник — и летят от шампанского пробки,
Вот она в тридцать восемь, вот я года в три.

Мама в прошлом блуждает и клеит альбомы,
Снова семьдесят лет пролистать торопясь,
Удержать огонек материнского дома,
Передать его мне, чтоб не смог он пропасть.

Ну, а я? Ко всему равнодушна, увы,
И ничто не волнует меня в этом мире.
Род закончен на мне. От главы до главы
Возрождаюсь в Евангелие или Псалтири,
От кафизмы спеша до кафизмы другой.
А потом Жития и Апостол... Прости мя,
Моя милая мама... В ночи, над пургой
В поминальной молитве летит твое имя.

Я, постылая, вижу — альбомы в пыли,
Не смотрю фотографий, нужны лишь иконы.
Поклонюсь тебе, мама, до самой земли,
Чтоб во славу Творца класть земные поклоны.

* * *

Холод ночной прошибает насквозь.
«Временный гость, ты здесь временный гость...» —
Шепчут в бессонной ночи голоса.
Меньше иллюзий, скупее слеза.
Освобождаясь от власти страстей,
Сосредоточась на жизни своей,
Видишь, как будто под новым углом,
Все, что сбылось и что будет потом.
Цельность приходит, а взгляд не потух.
Время питает и зренье, и слух.
Приобретается жизни ценой
Опыт небесный и опыт земной.

* * *

Одна в промерзшем доме сижу, как бы прозрев.
Пушай звереет ветер и дождь по стеклам бьет.
Потерянные годы, жизнь, загнанная в хлев,
Наручники свободы, воспоминаний гнет.

И никому на свете я, видно, не нужна.
И не прочтет, наверно, никто моих стихов.
Условны связи с жизнью, задача решена,
Тем паче, ход событий и должен быть суров.

Но две души на небе меня, конечно, ждут,
Они меня не бросят — мои отец и мать.
И Господу нужна я, он выбрал мой маршрут,
Чтоб я Святого Духа осилила стяжать.

* * *

Припомню маршруты семидесятых —
Канал Грибоедова, Моховая...
О Христе говорили и с ним распятых
разбойниках,
О тьме над нами без края.

И мы, запретное вороша,
Казалось, двигались в жерло Этны
Проснувшейся,
Так пылала душа.

Припомню наши с тобой разговоры,
В закатный час — крест золотой
Над Преображенским светлым собором
И крест, увиденный тогда над страной.

* * *

Досадуем, брюзжим, умеем досаждать
Другим и доводить родных своих до точки.
Досадуем на жизнь — теряем благодать.
Как древоточец-жук, досада душу точит.

Досадуем, брюзжим, ни света, ни тепла
У друга на лице, у встречного — тем паче.
Встречаем день в плену бетона и стекла,
Не думая о том, что Богом предназначен
И дождь, и дым, и весь
Безмозглый путь овец,
Которых, как слепец,
Ведет по жизни спесь.

Но, прожигая жизнь, досадуем, брюзжим,
И потакаем лжи, и служим празднословью.
Придет и смертный час, он — неопровержим.
Костлявая рука все ближе к изголовью.

* * *

Зачем мне эти платья
И этот мерзкий мир,
Тяжелый, как проклятье,
Заношенный до дыр,
Погрязший в бесовщине,
Рождающий разврат,
Мир Колымы, Катыни,
Предательств и утрат?
Повсюду вещи, вещи,
Нелепый, дикий быт...
Но свет небесный, вещий
И этот мир щадит.

* * *

Уходя от мира, умирая
Для него, не видя смысла в нем,
Словно хлам из старого сарая,
Хлам мирской в душе палишь огнем.

Мир лукав, к тому ж — опасно ходим,
Люди окружают и теснят.
Тикают заржавленные ходики,
Бьется сердце... Сколько лет подряд!

* * *

Приятели проливали счастливые слезы,
Из Парижа приехав. Маленькие приключения
Смаковали. Застряли в них, как занозы,
Впечатления.

Прощаясь, призывали в Париж поехать.
Словно целебный напиток, путешествие их взбодрило.
Я не сказала, что мне никуда не к спеху,
Покуда Господь освещает путь, и дает силы,
И раздвигает иного мира границы...
Дни очищаю молитвами.
Поднимаюсь, когда стою на коленях.
Разве могла я об этом приятелям проговориться?
Ведь мы в совершенно разных живем теперь измерениях

* * *

Уже на улицах раздают листовки —
«Здесь Христос! Поспешите!» Другие зовут: «Там!»
Приходят в белых одеждах обманщики и плутовки,
Пытаясь пленить души, врываются даже в Храм.

Идут в открытую, в точности по Писаниям.
Значит, время последнее? Сограждане, господа!
Благодарите Господа за каждый миг мироздания,
Молитесь, покуда в бездну не везут поезда.

* * *

Скоро будем платить по счетам, дни нещадно летят.
Мы стареем, и время состарилось вдруг в одночасье.
Перемены к плохому приелись. Нас, словно котят,
Продолжает лукавый топить, проповедуя счастье.

В одиночку спасаются, крест непосильный неся,
И, подобно апостолу, вмиг отрезвев, горько плача...
Отреклись мы от Господа двадцать столетий спустя,
Став рабами греха и безродною сворой собачьей.

Говорили, что жить хорошо и что жизнь хороша,
Не держа даже в мыслях, пройдет ли мытарства душа?

* * *

Столько явлено нам и чудес, и знамений,
Исцелений, пророчеств, деяний святых!
Твердокаменны мы, и года отступлений,
Мертвость духа, трясина томящей нас лени
Превращают людей незрелых — в слепых.

Разжигает лукавый в душе маловерье.
Но когда осеняют Господнии крылья,
То к тебе не приблизиться...
Трудно живем.
Путь открыт, но сквозь чащу спешим, напролом.

* * *

Стоит человек, словно полуразрушенный храм,
Душа не здорова, отравой пропитано тело.
Строитель грядущего — прошлый и нынешний хам,
Взращенный страной, где, как птицы,
свистели расстрелы.

Так сложно в сегодняшней жизни, где души вплелись
В политику будней, где мечутся дикие тени
Пророчеств, гаданий... Где смута идет, словно рысь,
Где бешено рушатся прежнего зданья ступени.
Так что же нам делать? —
Всем миром упасть на колени.

* * *

Я увидела Свет,
Я слышала Глас,
И тогда начала я писать под диктовку
Облаков и дождей, накрывающих нас,
Серый день натянув на себя, как спецовку.

И зачем-то некстати звонил телефон,
Приносил почтальон телеграмму из Пскова,
Холодильник рычал, разбивался плафон
Старой люстры, вводили соседа хмельного.

Шла обычная жизнь, но прозрела душа,
Став свободной, она диктовала условия:
Пусть довольно для счастья двоих шалаша,
Нужен ей целый мир, оскудевший любовью.

* * *

Пока душа была оплетена
Тяжелыми и цепкими сетями,
Хотелось публикаций, встреч, вина,
Поездок и обмена новостями.

И в мысли прочно влезла суета.
Как ржавчина, она разесть успела
Язык и празднословные уста,
Разрушить непостыжаемое тело.

Пока жила, лукавому служа,
Духовный мир был скрыт, неосязаем.
Но зримый мир не стоит ни гроша.
А мы живем, мы ничего не знаем.

Мы думаем, что деньги, вещи, быт
Устроенный, престижная работа, —
Суть счастье. Это — плен, и он смердит.
Умрешь, не взяв с собою ни на йоту.

Пока душа была оплетена,
Я погибала, я была незрячей.
Прозрела. С глаз упала пелена,
И ничего уже та жизнь не значит.

* * *

Лишь теперь, когда выдался отпуск
После долгой работы вседневной,
Вдруг мой собственный жизненный опыт
Путь помог отыскать во Вселенной.

Оттого ли, что прежде не знала
Я такого большого досуга,
Оттого ли, что горечи жало
Возвращало и горечь недуга?

Как бы ни было, знаю отныне,
Что сокрытое вдруг прояснилось.
И никто этот свет не отнимет,
Эту боль, эту высшую милость.

* * *

Возвращают храмы христианам.
Нехотя, но все же отдают.
Голодают женщины в Иваново,
Попранные камни вопиют.

Возвращенье храмов — добрый вестник
Коль беда ступила на порог.
Долго гордо реял буревестник,
И оставил землю нашу Бог.

* * *

Храмы разграбленные, храмы униженные,
Обшарпанные, словно бедняцкие хижины,
Храмы без утвари, без икон...
Но по всей Руси колокольный звон!

Постой на паперти, приклони голову,
Человечек, подумай, ты сам разрушен,
Словно храм, так спасай свою душу голую,
Омраченную, уже смердящую душу!

* * *

Обсуждая деда старого,
Раскудахтались соседки:
«Вот, мол, даже самовара нет,
Словно дрозд, сидит на ветке.
Что же может быть хорошего
У такого человека,
Не скопившего ни грошика
Для прожорливого века?»

Но закрыл он слух — не ведает
Липкой шелухи словесной,
Лишь духовными победами
Жив над немощью телесной.
К благодатной Богородице
Посылает он молитвы.
Мир земной — здесь все, как водится,
Мир воздушный — поле битвы.

* * *

Над Суздалем белым
стоletья горят купола.
Ведь кто-то же сделал
дорогу, что к Богу вела.
Опомнись, прохожий!
Сорви пелену суеты!
Ты создан, ты Божий,
но только беспамyтен ты.

* * *

В среду сидели мы в домике дачном.
Друг мой — с сыном-подростком.
День был невзрачным, и вечер невзрачным,
Но хорошо было, просто.

Поговорили о хлебе насущном
И о надсущном, небесном.
Если бы знать! Сатанинским, гнетущим
Холодом веет из бездны.

В пятницу в городе друга не стало.
Он утонул в водоеме.
Сердце. Всего-то лишь сердце устало
Жить во всеобщем разломе.

* * *

О том, что времена последние — немало свидетельств.
Но прежде конца — покаянья у Бога проси.
Мы дети безвременья? — Нет, все мы Божии дети.
Какое тяжелое бремя придется нести!

Терпеть искушенья и скорби,
Терпеть и молчать.
Появится скоро
Антихристова печать.

Тревожно сегодня.
А завтра — гибель грядет.
Но милость Господня
По Воле Господней спасет.

* * *

Я опомнилась наконец-то!
Вернее, восстала из праха.
Висят на мне пудовые гири детства,
Пудовые гири юности,
Пудовые гири страха.

Сколько было вразумлений! В молитвах -
Сколько знамений!
Я в кровь стирала колени,
Стоя на каменных плитах
Храма, что был музеем
Антирелигиозным.
Господи! Мы прозреем,
Хотя прозреваем — поздно.

* * *

Нужно просить у Господа
Только Его Воли.
И не кричать от радости,
И не стонать от боли.

Молитву в список прошений
Переводить нелепо.
Любое земное движение
Ударяется в небо.

Доколе Господь прощает?
Терпит тебя — доколе?
Нужно просить у Господа
Только Его Воли.

* * *

Господи, да будет воля Твоя!
Через людей идут искушенья, соблазны,
Жужжанье словес, фальшивая галиматья
Суетных встреч и осуждений заглазных.

Бежим одиночеств, чтобы людей бежать
Пуще былого. Господь попускает утраты
Дружб и приятельств. Разве в миру стяжать
Духа Святаго? Встречи с людьми — чреваты..

Всяк человек — ложь, — вразумлял псалмом
Нас царь Давид. Оплетены паутиной
Лжи человеческой — улица, храм, дом...
Мы и вкушаем ее с простотой ослиной!

Всяк человек — ложь... Но, стремясь войти
В стадо себе подобных, мы входим в сети,
Что с превеликим тщаньем для нас сплести
Враг исхитрился, и плачем потом, как дети.

* * *

Плачешь в сетях искушений, нечистая тварь.
Бьешься в когтях сатанинских, греша ежечасно,
И поделом, поделом... Не прочитан тропарь
Силам бесплотным. Избита душа и несчастна.

И поделом, поделом... Вразумляет тебя
Ангел-хранитель. Но ты, осознав вразумленье,
Снова скользишь по наклонной, нещадно губя
Тленное тело и душу — источник нетленья.

Помыслы щедро всевает расчетливый враг.
Ты беседуешь с помыслом... В мире духовном
Хрупко и то, что построил, и каждый твой шаг
Хрупок. Смиряться, душа, стой на привязи овном.

Кайся, молись — и услышит смиренных Господь.
Лишь покаяньем возможно подняться из праха.
Как надоела ты — жадная, жалкая плоть,
Душу облекшая, словно гнилая рубаха.

Кайся, несчастная тварь, — что в твоём багаже?
Мерзость — от помысла тянется и — до поступка.
Плачь о своей благодать потерявшей душе,
Зная, что в мире духовном все зыбко и хрупко.

* * *

Исковеркана жизнь. Нет, неправда, то верхний покров.
От нарывов, ударов — душа просветлела, окрепла.
Будет славен Господь ныне, присно, во веки веков!
Счастье Господа славить и мне, возрожденной из пепла,
Слишком щедро дается. И нету ни бед, ни обид.
Ни к чему распечатывать пыльные папки событий.
И кому интересно узнать, почему ты избит
Был бесовским отродьем, каких наглотался наитий.

Равнодушны друг к другу. Зачем откровенничать нам,
Жалким людям? Рвать душу, греша еще паче?
Только Господу важен твой опыт и каждый твой шрам.
По делам нашим будем судимы, тогда и поплачем.

Затвори к себе дверь, и затепли свечу, и, молясь,
Плачь сейчас. Слава Господа, знай свое место.
Я — никто и ничто. Но в молитве рождается связь
С Пресвятой нашей Троицей и нелегкой Невестой.

* * *

Каюсь, Господи, в своих грехах без числа.
Каюсь, стыжусь каждого своего шага.
Каждого слова, ставшего лодкою без весла.
Высокоумных помыслов — наживки ловкого мага.
Манит в пропасть он, подталкивая грешить.
Вижу гибельность знаков тонкого мира.
Господи! Я пропадаю! Я не могу здесь жить!
Встречи с людьми, работа, дом, лира —
Все опостылело. Каюсь, что не хочу
Даже участвовать в этих опасных играх.
Бесы повсюду. Брань — слабым не по плечу.
Сколько сумею еще простоять на иглах?

Каюсь, Господи, мне не по силам брань.
Что бы ни сделала — враг уловляет сразу.
И кошмарами душит, собирая дань,
И насыляет мыслей пустых проказу.
И нападает открыто через людей,
Ставших подвластными черным силам бесплотным.
Защити, Господи! Господи, пожалей!
Меня, под небом торчащую пугалом огородным.

МОЛИТВА

Светлая дева Мария,
Не оставь меня в час нужды.
Светлая дева Мария,
Не оставь меня в час вражды.
Не покинь меня в скорби
И в радости не покинь.
К помощнице скорой
Шагаю в песках пустынь,
По улицам миллионных,
Одетых в смог городов,
Среди коробок бетонных
И смрадных морских портов.
Средь смокингов, лимузинов,
Дворцов, зловонных трущоб...
Гайд-парк, бульвар Капуцинов,
Район московских «хрущоб»,
Литейный... К дверям собора
Приблизюсь — среди святынь,
Помощница скорая,
Рабы своей не покинь!

* * *

Опасную, алчную ночь настоящего жития
Так трудно прейти, не изранив души и тела.
Но Покров Пресвятой Богородицы — в пути защита твоя,
Да не пронзят немощного сатанинские стрелы!

Опасную, алчную ночь настоящего жития,
Где бесы набрасываются на человека и справа, и слева,
Прохожу, избитая ими, ничтожнейшая раба твоя,
О, Пресвятая, Пречистая, Преблагословенная Дева!

* * *

Великий пост, семь медленных недель,
Дарованных тебе для покаянья...
Но многопопечительности шмель
Жужжит, стремясь отвлечь твоё вниманье.

Всеваёт помыслы пустые подлый враг —
Попался ты, поддался празднословью...
Все схвачено: взгляд, жест, твой каждый шаг...
Известно, лишь смиреньем и любовью
Возможно победить и не пропасть.
Великий пост — дорога к очищенью.
Мир наступает, мир ощерил пасть.
Трезвись, душа, не стань его мишенью!

Великий пост, семь медленных недель
Великопостных служб, молитв усердных...
Так непомерна, так огромна цель
Пути, что не выдерживает сердце.

* * *

Если птица ручная назавтра окажется хищной,
Превращенье такое не сможет уже удивить.
Потому что вчера еще путник, просящий о пище,
Хлеб и кров получив, стал меня проклинять и хулить.

Отовсюду слетаются к дому тяжелые вести.
Он шагает и щедро чернит мою жизнь языком.
Что же сделаю я? — Пожелаю ему равновесья,
Пожалею, ведь сеющий зло — слеп в несчастье своем.

Но тревожная мысль продолжает и ночью, и денно
Мучить душу мою, объясненья поступкам ища.
Не хочу никогда (знаю, боль отойдет постепенно)
Видеть в агнце смиренном сокрытую суть палача.

* * *

В суете человеческой, в мыслях о мощи державы,
Президентах, министрах, о смене доспехов времен
Мы живем, поглощая громады газетной отравы,
Разделяясь, толкаясь в колоннах у разных знамен.

Кто спасется во тьме, властно, алчно окутавшей землю,
Где коммерция, бизнес, богатство — весь смысл бытия?
О, как тянутся люди к бесовскому этому зелью,
Забывая о Боге, служа ненасытному Я!

Вседозволенность прессы лишь пестует в людях пороки,
Умножает бесстыдство и действует, словно магнит.
И открыто шагают уже лжехристы, лжепророки...
Это значит, почти на пороге антихрист стоит.

* * *

Нету для Господа ничего тайного.
Ангелы света и тьмы — всегда рядом с нами.
И когда мы в компании, под узами чувства стайного,
И когда одни — бодрствуем или задавлены снами.

Это мы не видим духовного тонкого мира,
Мы не способны подняться в Новый Иерусалим.
Это наше знание о человеке — мнимо.
Губим свободную волю, дарованную Им Самим.

Господи! Ты нас учил, что опасно ходим.
Ангелы тьмы стремятся втоптать нас в грязь.
Нужно стоять на страже, и страх Господень
К Славе Господней незримо проложит вязь.

* * *

Каждый знает, что Христом живущий
Крест несет. Мир этот всемогущий
Не его, ведь здесь его казнят.
Не ему искать земного рая...
Но, увы, на съездах заседая,
И монах сегодня — депутат.

Сколько было мучеников в Боге!
Населявших рудники, остроги,
Раненых, закопанных живьем...
Целый век стал для России — роком,
Кровь священников и кровь пророков
На любом из нас горит клеймом.

И теперь стремимся мы подняться,
Возвратить великие богатства
Веры, не ища других богатств.
Радость обретения и мука,
Покаяние, стяжанье духа —
Вот наш путь, другое — Бог подаст.

* * *

Перепархивая во времени с ветки на ветку —
Из одних лет в другие, —
Словно птица, отбывшая свою клетку,
Оказавшись на воле, черчу круги я.
Делаю мертвые петли над прожитыми годами
И поднимаюсь все выше к радости пушей
Своей.
Казалось, уже и старость не за горами,
А я век мне отпущенный
Сей
Вдруг обрела заново, расправила крылья,
Оказалась на воле.
Рухнула
Жизни моей бастилия,
Поднялось тесто памяти, замешенное на боли.
Я взмахнула руками
И поднялась еще выше,
Туда, где на темной ткани
Ковш серебряный вышит.
Господи, слава Тебе!
Господи Сил!
Возьми мою жизнь, Господи,
Обретшую пару крыл.

* * *

Нет оправданья растленной душе,
Нет порицанья — смиренной.
Град, словно россыпи, горки драже,
Голос пожарной сирены...

За́стит дорогу разверзшийся град,
Ветер свирепствует лютый.
Город Петра, мой немыслимый град!
Здесь и дела, и маршруты.

Путь к покаянью сквозь годы потерь,
Опыт и крохи смиренья.
Только б войти через узкую дверь
К Господу, без преткновенья!

* * *

Пусть один — от Голгофы до Вознесения.
Гнемся под тяжестью своего креста.
И падаем, и в нас бросают камни
За исповедание Иисуса Христа.

Отдал Бог за наше спасение
На распятие плоть Свою.
Путь один — от Голгофы до Вознесения
«Помяни мя, Господи!..» —
вместе с разбойником вопию.

* * *

Покров сегодня. Во Влахернском Храме¹
Андрей Юродивый и Епифаний,
Принесшие другим благую весть.
Открылась их благочестивым взорам
Заступница с небесным омофором,
Молившаяся вместе с ними здесь.

Покров сегодня. Путь в Константинополь
Душой преодолев в мгновенье ока,
И я молюсь. Да будет омофор
Пречистой Девы простираться ныне
Над грешными, погрязшими в гордыне
Рабами, сознающими позор
Своей ничтожной жизни! Век двадцатый
За отступление на кресте распятый
Уходит. Богородица, спаси!
Не по делам, по вере, покаянью.
А также по высокому стоянью
Подвижников Святой Твоей Руси.

¹ Во время осады Константинополя сарацинами Андрею Юродивому и Епифанию во Влахернском храме явилась Богородица в покрове (омофоре).

Наташа

Майя Борисова
ПАМЯТИ ДРУГА

Зверски убита Наташа Карпова. Наталия Карпова — поэт милостью Божией, с голосом негромким, но чистым, искренним, оттого он и слышен был далеко, и воспринимался не только умами, но и сердцами. Наталия Ивановна Карпова — кандидат наук, подвижница на педагогической ниве, на скудной и святой ниве библиотечного дела.

Наташу убили... нашу рыженькую, нашу обаятельную, преданнейшую дочь, любящую и любимую жену, умеющую согреть и осветить собою поэтические ристалища и дружеские посиделки. Скольких людей осиротила ее гибель, представить невозможно. И город Питер, который она так любила и которому посвятила столько душою продиктованных строк, тоже осиротел...

Она погибла в воскресенье, 5 февраля, в предрассветный час, на пути к Спасо-Преображенскому собору. Наташа шла к заутрене. В последние годы она самоотреченно отдалась православной вере. Это не было интеллигентское заигрывание с горними силами, размытое, условное, по сути, безответственное. Наташа приняла к исполнению все правила и ритуалы церкви, идеи смирения и покаяния вошли в ее плоть и кровь...

Первый сборник стихов Наталии Карповой назывался «Колодец». Он и впрямь походил на колодец: чистый, наполненный, в котором отражаются облака, из глубины которого даже днем видны звезды. Казалась неисчерпаемой привязанность к земной жизни с ее дорогами, влюбленностями, с ее больницами и книгами, сомнениями и поэтическими взлетами...

На своем последнем творческом вечере (последнем!) Наташа дарила свою последнюю (последнюю!) книжку «Над темной водой канала». Между двумя этими книгами поместилась ее жизнь.

А смерть уже близко, где-нибудь в полумиле,
И скоро душа не выдержит притяженья земного.

Душа бы еще выдержала, продержалась бы. Но в который раз на российской земле поэта — убили.

*«Санкт-Петербургские ведомости»,
8 февраля 1995 г.*

Нонна Слепакова
ТРИ ЛИКА НАТАШИ

Чуть не через слово придется мне повторять «была», «была»... Дико, несовместимо с Наташей. Но что поделаешь?..

Итак, она *была* душою нашего круга — азартной, радостной, озорной. Не перечислишь, не опишешь всех ее острот, розыгрышей, смешных презентов, пародий...

Она *была* тонко, одухотворенно красива, шаловливо остролицом — наша маленькая рыжая лисичка. Да, она умела быть и едкой, и хитро-увертливой — например, в увиливаниях от цензоров и редакторов, неукоснительно пытавшихся исказить или «не пущать» ее стихи. Этими хитростями владели мы все — необходимо было как-то лавировать, проскальзывать среди повсеместных рогаток и заграждений.

Но и веселье, и ловкость Наташи *были* лишь наружными выплесками ее большого, серьезного таланта, ее второго, как бы несколько притененного лика. Она *была* великолепным поэтом. Еще в юности ее заметил и принял в свое ЛИТО известнейший ленинградский *учитель поэтов* Глеб Семенов. А он не каждого принимал. И Наташа начала свой литературный путь рядом с А. Кушнером, А. Битовым, Г. Горбовским, В. Соснорой, Г. Гампер, Т. Галушко, А. Городницким.

Наташа *была* подлинно петербургским поэтом. Ее пейзаж, любовь, культура, реалии стихов, мудрость души и душевность ума, ее способ мыслить и чувствовать — наши, бесприютные, промозглые, проникнутые горечью вечной нашей стиснутости и вечных наших тяжких предчувствий. Как все мы, пригнетенная в прежние годы старанием начальства искоренять

все сколько-нибудь живое, Наташа не ощутила свободы и счастья и в новые времена. Они тоже угнетали ее своим цинизмом, пошлостью, беспределом, безоглядным ниспровергательством всего и вся. Предчувствия катастрофы томили ее как никогда. Конечно, она боялась последствий грандиозной российской ломки — отчуждения от читателя, одиночества, беззащитности, особенно жуткой в нынешних условиях. Боялась, — но смиренно принимала все, что будет послано.

Трагичность и смирение этого Наташиного чувства основывались на ее третьей (и главной) сущности, когда-то тщательно скрываемой и лишь в недавнее время проявившейся во всей полноте ее жизни и поэтического слова, — на ее глубокой вере. Она веровала в Бога с детства, в отличие от многих, обратившихся по слову моды и разрешения сверху, и всю жизнь таила этот свой лик: нам ведь возбранялось в стихах упоминать имя Господне даже в ходовых присловьях, вроде «Бог знает» или «Боже мой». Только в стихах последней книги Наташа обнаружила перед всеми эту свою сущность. Яростная исповедальность стихов, борьба с грехом, постоянные поиски духовного совершенства — все это пришло в соответствие с ее прежде спрятанной религиозной жизнью.

Пишу и замечаю: чем дальше, тем реже употребляю проклятое *была*. Может быть, это не случайно? Перед Божьей вечностью Наташа — *есть*.

Галина Усова

НА САМОМ БЕРЕГУ ЗАЛИВА...

В первые послевоенные годы наша семья ездила на дачу в поселок Келломяки (ныне — Комарово). Однажды мама сказала мне:

— Меня пригласила в гости одна моя хорошая знакомая, это близко отсюда. Хочешь — пойдем со мной?

Я согласилась охотно: сверстников вокруг не было (мне недавно исполнилось 15), и я на даче скучала.

На самом берегу залива стояли две симметричные нарядные дачи, я их давно приметила и все думала — какие это счастливицы живут в таких симпатичных домиках, да еще «у самого синего моря».

Моя мама работала доцентом кафедры литературы Библиотечного института им. Крупской, а пригласившая ее в гости Галина Алексеевна была в этом институте библиотекарем. Дачу эту на лето предоставляли ее мужу. Мы беседовали на освещенной солнцем веранде, и вдруг к нам выбежала маленькая рыжая девочка в синем платице и с синим бантом в волосах. Она прислонилась к белой притолоке, и солнце золотило ее волосы. Все это составляло такую прекрасную цветовую гамму, что невозможно было глаз отвести.

Галина Алексеевна сказала:

— Это наша дочка Наташа. Вчера ей исполнилось шесть лет. Она пишет стихи: представляете, недавно ей подарили книжку с картинками про животных, без текста, так она сама к каждой картинке сочинила подпись в стихах!

Меня это сообщение заинтересовало: я тоже писала стихи,

хотя понятно, что при такой разнице в возрасте дружбы получить тогда не могло. Но я на всю жизнь запомнила красочную картину: рыжая девочка в синем платице на фоне белой дверной притолоки, освещенная щедрым летним солнцем. Когда заговорили о ее стихах, Наташа улыбнулась какой-то недетской, мудрой и вместе с тем печальной и загадочной улыбкой, пронзившей меня в самое сердце. И в течение многих лет, если мне случалось проезжать по шоссе мимо тех симметричных дач, что-то щемило в груди, и я вспоминала — вот здесь я видела ту рыжую девочку, которая так странно улыбнулась. И были в ее улыбке и недетская грусть, и покой летнего дня, и гордость своей сопричастностью высокому и великому, имени которому ни она, ни я тогда еще не знали...

Близкое знакомство и дружба возникли много лет спустя. И тогда я узнала, что недолго семья Карповых наслаждалась той дачей: в страшном 1949 году отец Наташи был арестован, и жизнь семьи окрасилась большой трагедией...

Эти события наложили неизгладимый отпечаток на личность Наташи Карповой, но она до самого конца не растеряла замечательных свойств своей души: человечности, душевного тепла, чувства юмора. Она умела щедро делиться этими прекрасными качествами с другими людьми. Тем, кто знал Наташу, всегда будет ее недоставать в этой жизни. А со мной навсегда останется образ маленькой рыжей девочки, улыбающейся так загадочно, словно она могла предвидеть всю свою будущую судьбу.

Галина Гампер

«И ВОЗВРАЩАЮСЬ К ЖИЗНИ С СОБСТВЕННЫХ ПОХОРОН»

Наташа Карпова, мой Натик. Мы «прошагали» рядом — плечо к плечу — лет 35; думаю, что наша встреча и дружба «с первого взгляда» состоялись, когда мне было лет 20, а ей не более 18-ти. Видимо, наши стихи достаточно сказали друг другу; как пароль, убедили нас во взаимной преданности и честности. Мы не обманулись, за десятилетия, долгие и трудные, как целый век, и в то же время мгновенные — смотрю на последнюю фотографию Наташи, сделанную у меня дома в старый Новый 1995 год, и кажется, она все та же — рыжеволосая, хрупкая, искрящаяся. Мы не изменили идеалам нашей молодости, не ушли в свое время в официоз, хоть он соблазнял множеством благ, и теперь не подались в разные другие компании. Тем самым мы не подвели и нашего общего учителя, прекрасного Поэта (воистину с большой буквы) Глеба Сергеевича Семенова. Наташа была чрезвычайно предана дружеству вообще, я бы еще добавила — ритуалу дружества. С той самой первой молодости чаще всего именно она была главным инициатором наших праздничных застолий. Собирались человек 15—20, в основном «семеновского поля семена», как сказал в своем стихотворении наш старинный друг, поэт Вадим Халупович. Среди них Нонна Слепакова, Лев Мочалов, Нина Королева, Геннадий Угренинов... Захаживали на огонек Саша Кушнер, Таня Галушко, Раиса Вдовина, Саша Крестинский...

Наташа прекрасно танцевала (со школьных лет — участница разных хореографических ансамблей). Каждому было лестно стать ее партнером, хоть на один танец, пусть и под

пристальным взглядом ее мужа, всеми нами любимого Эдика Крейнина, человека очень артистичного, остроумного, а главное — своего человека.

По старой ЛИТО'вской привычке мы еще долгое время читали стихи по кругу. Не одно Наташино стихотворение посвящено нашим дружеским встречам. Точно и выразительно писала Наташа о своем униженном голодном детстве, о тяжелой судьбе своей семьи в годы репрессий. Эти стихи, конечно, долго не публиковались, но и они дождались своего часа.

Первая книжка Наташи «Колодец» (1976) выходила дольше и труднее, чем у всех нас. Но когда наконец издательская, редакторская инерция была преодолена, дальнейшая поэтическая судьба, слава Богу, складывалась благополучно — выступления, творческие поездки, журнальные публикации, книги...

При всей своей женственности, хрупкости, внешней незащищенности Наташа была энергичной, деятельной, сильной. С какой самоотдачей работала она в Союзе писателей, собирая, организуя, устраивая вечера, чутко отмечая и поддерживая все талантливое. «Прекрасная леди контрастов» — назвала Наташу американская поэтесса Кэти Джексон, недолго гостившая в Петербурге. По-моему, не скажешь вернее. Кто из нас не помнит неожиданных и моментальных перепадов ее настроения — вот только что она мелькала меж нами рыжим огоньком, стараясь обогреть и подбодрить каждого, — и вдруг будто закрылись створки раковины, не достучишься. В ее душе всегда шла какая-то сложная, скрытая даже от дружеских глаз работа. Мы продолжали стоять на земле, полностью отдаваясь своему делу, она же поднималась на цыпочки, отрывалась, парила все выше и выше... Религиозной Наташа была всегда, как ее мама, бабушка и весь дворянский род Мошиных.

Но в последние годы молитва, пост, храмы... стали главным в ее жизни, а значит, и в стихах:

Видишь, как будто под новым углом,
Все, что сбылось и что будет потом.

Теперь, когда Наташи нет рядом с нами, иными глазами читаешь все ее стихи, а главное — последнюю книгу «Над темной водою канала», большую, серьезную книгу — подведение итогов. Сколько в ней строк предвидения, предчувствия своей судьбы и особенно напутствия нам, оставшимся. Строка, вынесенная мною в заглавие, — это комок слез, подкативших к горлу.

Она собиралась. Но, наверно, должна была уйти каким-нибудь чудесным образом: например, как одна из героинь Маркеса, — воспарив и растворившись в воздухе после чашечки горячего шоколада.

Наташа подошла ко мне после одного из заседаний секции перевода и заговорила по-польски. Я восхитился и позавидовал: произношение у нее было, как у варшавянки. Мы разговорились, выяснилось, что она любит и знает польскую поэзию — современную, переводит ее. С Наташей, доброжелательной, спокойной, было легко говорить. Кстати, и работать легко. Мы стали наперебой называть друг другу фамилии — перевести бы этого... этого... Увы, в ту пору в Питере было куда как мало так называемых «издательских площадок», где можно было бы публиковать переводы из польской поэзии: «Художественная литература», издававшая славянскую книгу раз в четыре-пять лет, журналы... По инициативе и с подачи Наташи мы сделали подборку гданьских поэтов для «Невы», которая была ополовинена и слегка изувечена по каким-то таинственным и нам не объясненным причинам. Потом для «Авроры». А потом «случилась» «Солидарность», и для многих польских поэтов путь в советские издания оказался закрыт, в том числе и для Казимежа Сопуха, которого Наташа очень ценила и много переводила. Но вот на излете застоя и взлете перестройки пошло издательское возбуждение и шевеление. Сколько было планов и намерений... В Лениздате вышла книга гданьчан «Янтарное побережье», для которого Наташа перевела нескольких поэтов. В Худлите удалось преодолеть сопротивление редакции, относящейся с опаской к незнакомым переводчикам, и добыть для Наташи стихи словенского поэта Ашкерца. На этих двух книгах я увидел, как она умела работать — тонко, профессиональ-

но, как разумно, по-деловому воспринимала замечания, какие умела находить варианты, ходы. Было ощущение, что она вошла в ту фазу творчества, когда у поэта возникает внутренняя потребность переводить, когда есть внутренние силы и для писания своих стихов, и для воссоздания чужой поэзии.

Перечитал Наташины переводы — какой хороший, чистый голос. Как горько, что он не зазвучит в новых стихах, в новых переводах...

НАТАША

Прекрасная леди контрастов,
Мы лишь прикоснулись к ней мимолетно
В осеннем, промозглом Санкт-Петербурге
94 года.

Меня ей представили в библиотеке —
Прохладное, крепкое рукопожатье,
Краешки губ ее улыбались,
Когда соглашалась она прочесть свои переводы.
Я рядом с нею себя ощущала
Шаловливым ребенком перед учителем строгим
И знала — уж лучше вести себя как подобает.

А позже,
Когда к нам подходили и хвалили стихи,
Я поняла, как прекрасны ее переводы,
Но показать их друзьям
В тот же день не смогла —
Она не дала их мне просто,
Как делали все остальные.
Я, подумав, решила — она
Приняла их, как нечто свое.
И я возгордилась,
Что с нею теперь повязана общим трудом,
Но ей не сказала тогда,
А теперь никогда не скажу.

Наташа!

Ты — леди чудесных, сбивающих с толку контрастов:
И хрупкая, словно стекло,
И прочная, как закаленная сталь.
В основе была ты крепка, в то же время мягка по краям.
Улыбка светла и тепла, зато взгляд —
Бескомпромиссный и твердый.

Приглашение ваш дом посетить
Ты сделала с сестринской лаской
И властностью, что подобает самой королеве.
И хоть времени было в обрез,
Мы время нашли.

Ты нас встретила и пригласила в квартиру войти,
Широко улыбаясь и гордо глазами блестя.
Ты нам показала реликвии вашего дома,
Поделиться преданьями вашей семьи.
Шутками нас закидала, и мы хохотали
Так, что начали ребра болеть.
Ты наполнила наши сердца и наши желудки
Чаем горячим и пирогом, тающим на языке,
И удивительными воспоминаниями, прежде всего.

Мы на кухне сидим за столом —
Твой муж Эдуард, я и ты,
Склонясь над тетрадным листком,
Стремимся друг друга понять
При помощи жестов,
Рисунков и смеха.

Вы сообщаете гордо, что любите долго друг друга,
Долго и истинно.

Я киваю (семейная долгая жизнь — это прекрасно...).
Вдруг взгляд, которым нечаянно вы обменялись,
Я также нечаянно перехватила —
Взгляд, вызывающий эхо прошедшего,
И на мгновение он — снова юноша, девушка — ты.
Все как и было когда-то.
Нежность этого взгляда меня заставляет едва ли
не вскрикнуть.

Далеко я — за тысячи миль.
Много месяцев минуло с того вечера в Санкт-Петербурге.
Я в шоке. Узнала о смерти твоей:
Не спокойный уход, порождающий шепот и вздохи,
А бессмысленность, варварство —
Эта потеря вызывает лишь гнев
И смятение.

В церковь в воскресное утро идя,
Ты с земли соскользнула,
Прошла через узкий, бока обдирающий выход
И оставила нас одиночеством тяжким томиться.
Мы ведь как полагали: страх, насилие, смерть —
Это то, чего с нами не будет.
И вот это случилось с тобой,
Значит, это случилось и с нами.

И памятью я возвращаюсь
В тот вечер последний с тобой.
Мы вышли все вместе, направились в гости к Галине,
И, за руки взявшись, мы шли вдоль канала,
Потом через мостик и мимо прекрасных церквей.

В тот день на душе было так, как нередко бывало
И в других русских семьях —
Будто я нахожусь средь родных.
А не стало тебя — и уменьшилась наша семья,
Стал беднее наш мир,
Стал беднее наш мир на поэта.

Говорят, что в Неве небывало вода поднялась
Этой смутной весною,
И брызги, усеявшие парাপет,
Отражают в себе одинокое небо
И сверкают,
Как слезы на солнце.

Дундин, Флорида, США

Перевод с английского Галины Гампер

Александр Кушнер

ОНА БЫЛА НАСТОЯЩИМ ПОЭТОМ

В мае 1994 года Наташа Карпова подарила мне и моей жене свою последнюю книгу: «Дорогим и любимым Лене и Саше от автора...».

Каюсь, я невнимательно отнесся к подарку: что-то прочел наугад, несколько стихотворений отметил, но было некогда, предстояли летние разъезды, затем всю осень и часть зимы я провел в Гарварде, а затем случилось то, что случилось.

Все мы (не все, но, по-видимому, многие и я в том числе) крепки задним умом и добры запоздалой добротой. Впрочем, об этом точно и горько сказала сама Наташа в своей книге:

Равнодушны друг к другу. Зачем откровенничать нам,
Жалким людям? Рвать душу, греша еще паче?
Только Господу важен твой опыт и каждый твой шрам.
По делам нашим будем судимы, тогда и поплачем.

Я виноват перед Наташей, и самое печальное, что эту вину не исправить.

Помню Наташу хохотушкой, выдумщицей, веселым и легким человеком. В Пицунде, где мы отдыхали рядом несколько лет подряд, она была организатором всех наших пикников, постановщиком шарад, и никто не играл так изобретательно и ловко «в слова», как она. У меня сохранились пицундские блокноты, где вперемешку со стихами идут слова, написанные столбиком, страница за страницей. Наташа была чемпионом. А какой она была прекрасной пловчихой! Мы заплывали далеко в море, она плавала лучше меня, лучше всех, этакая «золотая рыбка».

Как отстают наше знание о человеке от подлинной его сущности, как меняются люди, как далеко они уходят от нас!

Постоишь у ограды, у храма...
Дни теперь, как пустые листы, —
Слишком поздно, а может быть, рано
Записать в них, что выстрадал ты.

Страдание стало лейтмотивом ее последних стихов и обеспечило им ту неподдельность чувства и смысла, которых так недостает стихотворцам, на все лады склоняющим сегодня Божье имя только потому, что и это, оказывается, может войти в моду. Но здесь мы имеем дело с настоящим опытом:

Как бы ни было, знаю отныне,
Что сокрытое вдруг прояснилось.
И никто этот свет не отнимет,
Эту боль, эту высшую милость.

Судьба послала Наташе Карповой страшную гибель, но может быть, в системе тех координат, в которых жила она, мученическая смерть имеет свой сокровенный смысл. Не знаю.

Не люблю ханжества и тайного религиозного высокомерия. Люди, не столько движимые верой и любовью к Богу и ближнему, сколько обеспечивающие себе заблаговременно тепленькое местечко на небесах, отталкивают своей неискренностью.

Наташа, насколько могу судить по ее стихам, жила последние годы не вымышленной, а настоящей религиозной жизнью.

Господи! Я пропадаю! Я не могу здесь жить! —

этот возглас в ее стихах не выдуман и вырвался преднамеренно и нерасчетливо, как стон.

Любые религиозные откровения и прорывы не имеют смысла в дурных стихах; более того, они способны только ском-

прометировать подлинное религиозное чувство, которое в рифмах и не нуждается. Наташа Карпова писала настоящие стихи.

Великий пост, семь медленных недель,
Дарованных тебе для покаянья...
Но многопопечительности шмель
Жужжит, стремясь отвлечь твоё внимание...

Она была настоящим поэтом, отвечала в стихах почти за каждое слово — и только поэтому её разговор с Богом в стихах имеет общезначимый смысл.

Жанна Шадрина

ТАЛАНТ, ИСПОЛНЕННЫЙ ДУШЕВНОГО ТЕПЛА

Для тех, кто в течение многих лет был рядом с этой удивительной женщиной, наблюдал ее в повседневной жизни и работе, она всегда оставалась как бы загадкой. Удивляло ее умение не терять высоты духа в самой будничной обстановке и даже более — наполнять подчас такие необходимые, но донельзя рутинные занятия каким-то особым светом и смыслом.

Видимо и поэтому весть о гибели Наталии Карповой отзывалась такой острой болью в сердцах студентов и преподавателей Института Культуры, которому Наташа отдала столько сил и творческого вдохновения.

Улыбающейся, доброжелательной, мягкой предстала она перед студентами при первом знакомстве, и это ощущение счастливой встречи они надолго сохраняли в себе. В общении с ними Наташа всегда умела найти особый тон доверительности и тактичного учительского внимания. Тому, кто видел ее в кругу студентов на занятиях, научных конференциях, приходило на ум невольное сравнение с духовным наставничеством.

Талантливый поэт и педагог, Наталия Карпова, обладая высочайшей культурой и эрудицией, постоянно училась. На наших глазах она с поразительной быстротой овладевала одним за другим иностранными языками.

Был у Наташи еще один талант, особенно редкий по нынешним временам, — умение строить человеческие отношения, не важно на чем они строились — «по делу» ли, без видимого «дела», но эти отношения всегда составляли особый мир, исполненный душевного тепла и участия.

Боязнь обидеть вольного или невольного оппонента и, в то же время, высокая научная и художническая честность доставляли Наташе настоящие муки в научных и поэтических дискуссиях. Это тоже удивляло и восхищало в Наташе: сочетание деликатности, дружелюбия, такта и кремневая твердость в убеждениях, которыми она не поступалась никогда, чем бы это не было чревато, а ведь времена она пережила, так скажем, разные. За это ее и любили: студенты, преподаватели, российские и зарубежные коллеги.

Блестящим ученым, яркой женщиной запомнилась Наталия Карпова участникам международного семинара по библиотечному менеджменту в 1994 году: тут и зимнее, заснеженное Царское Село, и Наташины шутки, разряжающие чуть сгущавшуюся атмосферу ученых заседаний и поэтические чтения по вечерам.

А сколько благодарностей заслужила она в годы работы в институте — за все, что она делала в учебных аудиториях, в научной сфере и на своих всегда многолюдных поэтических вечерах!

Радостно, с нарастающим успехом прошла серия таких вечеров осенью 1994 года: в Институте Культуры, в редакции журнала «Аврора», в Доме журналистов, в Центральной городской библиотеке им. Маяковского. Животворящий поэтический родник Наташиного творчества чудесным образом превращался в поток цветов и счастливых улыбок почитателей ее таланта, отзывался музыкой на ее стихи.

Один из поэтических сборников Наташи называется «Совпадения». Мы всегда будем благодарны судьбе за чудесное совпадение, соприкосновение во времени с жизнью Наталии Карповой, олицетворяющей собой прекрасное. Наша жизнь без нее обеднела...

Валентина Минкина
РЯДОМ С НАТАШЕЙ

Я прожила рядом с Наташей около тридцати лет, но, как теперь понимаю, их оказалось недостаточно для того, чтобы написать о ней. Как личность она была богаче и сложнее, чем многие из нас, окружавшие ее.

Прекрасный собеседник, владеющий несомненным даром слушать и сопереживать, Наташа, вместе с тем, была одновременно с тобой, но и где-то в ином пространстве и измерении. Иногда, особенно в последние годы, это становилось настолько явным, что, беседуя с ней, я невольно оглядывалась или словом, жестом пыталась привлечь к себе внимание, вернуть Наташу. Мгновенный понимающий взгляд, чуть виноватая улыбка: «Да-да, я слушаю тебя», и разговор продолжался.

Она была удивительным рассказчиком. Я помню, как в первые годы преподавания нас, тогда еще совсем молодых лекторов, мучил вопрос о том, как привлечь внимание студенческой аудитории. Наташа слушала наши взволнованные речи молча и немного удивленно. И лишь в конце произнесла тихо, как бы для себя: «Не знаю. Меня слушают. Это какая-то связь. Она устанавливается сама». Наташу действительно слушали: в учебных аудиториях, в дружеских компаниях, на поэтических вечерах.

Вера и слово были в Наташе той основой, на которой она строила жизнь, и одновременно той средой, в которой она жила. Но если в молодости любая встреча, дружеское застолье, просто прогулка были поводом для чтения стихов, то в зрелые годы об этом уже приходилось просить. В последнее же время

в ответ на просьбу звучал деликатный, но категорический отказ: «Вот скоро будет напечатана подборка, тогда прочтешь».

Вера же давала Наташе какое-то знание, которое, казалось, и вело ее. Присутствие этого знания ощущалось в поступках, суждениях, планах на будущее. Но все это относилось к области необсуждаемого. И тем удивительнее было слышать спокойный и уверенный ответ Наташи на вопрос, который ты еще только мучительно пытался сформулировать.

Интеллигентный, тактичный и мягкий человек, Наташа была одновременно и человеком высоких и сильных страстей. В юности меня часто удивляла ее неадекватная реакция на незначительный, с моей точки зрения, поступок или неудачно сказанное слово. Иногда я не могла понять и причин ее радости или гнева. В своих действиях и оценках Наташа часто была предельно субъективна. Эта крайность, сохранившаяся до последних дней, но лишь более умело маскируемая, была следствием горячей, страдающей души и одновременно взгляда на жизнь глазами ребенка, непримиримого к горю и несправедливости.

У Б. Пастернака, поэта, которого очень любила Наташа, есть строки: «...и должен ни единой долькой не отступаться от лица...» Наташа не отступалась от лица никогда, как бы трудно ей в жизни ни приходилось. Поздние первые публикации стихов, поздно пришедшая известность — тому доказательство. Хотела ли Наташа быть услышанной? Читала ли рецензии на свои книги? Волновало ли ее мнение окружающих? Да, конечно. Но никогда никакие суждения не могли заставить ее сойти с того Пути, по которому она шла всю жизнь и который так ясно видела.

Слово прощания и попытка рецензии — таков печальный жанр этих заметок, не дай Бог ему стать обыденной нормой. Об ужасе случившегося, о невосполнимости утраты не говорю. Утешение в том, что Наташа Карпова была поэтом и, значит, она здесь, с нами, пока звучат ее стихи, пока мы помним их и повторяем. Вспоминается Наташин Летний сад («В Летнем саду»): он тоже, как мы теперь, «плачет, шумит, шелестит и стихи повторяет».

В поэзии, по свидетельству Бориса Пастернака, требующей от поэта «не читки... а полной гибели всерьез», сколько угодно примеров оправдавшихся предчувствий, ясновидения и прямых пророчеств, причем эти прорывы за грань привычного зачастую оборачиваются для поэта отнюдь не только «борениями духа», а вполне реальными бедами. Все это так, но случившееся с Наташей как-то уж слишком (и трагически) выстроено, чтобы не услышать чугунной поступи судьбы, не различить меты мученичества, проступившей сквозь эту кровь.

Сразу же по выходе последней Наташиной книги бросились в глаза некоторые странности построения и состава этого сборника. В нем собрано едва ли не все лучшее из когда-либо написанного Наташей, но в то же время это не книга «Избранного» уже потому, что едва ли не половина состава — стихи последних лет.

Высокоученой книжнице — Наташе, конечно, был очевиден риск такого отбора, но она на него пошла. Почему? Наверное, прежде всего надо было выговориться о сегодняш-

нем, не важно — «отстоявшимся» или «неотстоявшимся» словом, но таком очевидном и нестерпимом.

Выговориться удалось, и все-таки осталось ощущение некой угрозы, заставившей Наташу собрать вместе любимейшие свои стихи, как собирают родню попрощаться и благословить.

Сумеречный настрой создается уже самим названием сборника — «Над темной водой канала». Эта темная вода, «немой подернутые стены домов», «с утра до утра» стонущие под ветром деревья, «электрички с разбитыми стеклами» — как бы символы, опознавательные знаки нашей среды обитания.

Столь же неприметны и приметы времени: «незрячие кинулись в поводыри», «взрывчаткой самодельной переполнены дома», «старики семянят, спекулянты, цыганки снуют», «и не светла печаль, и не надежен дом». Вот эта ненадежность даже не бытия, а быта, страша Наташу, в то же время начинала ей казаться чуть ли не предвестием заслуженного возмездия — заслуженного, скорее всего, уже в силу неотвратимости:

«Страшно подумать, какой нам предьявят счет...», «По делам нашим будем судимы, тогда и поплачем...», «А смерть уже близко, где-нибудь в полумиле...», «Костлявая рука все ближе к изголовью».

Живая жизнь словно бы теряет свою самооценку:

Приобретается жизни ценой
Опыт небесный и опыт земной.

Формула, надо признать, не столь уж нова и вполне укладывается в рамки христианского мировосприятия (если есть они — эти рамки), здесь важнее подлинность, всамделишность жертвенной готовности. Нельзя забывать, что речь идет не об экзальтированной новообращенной христианке, а о глубоко и давно верующем человеке, притом профессионально сведущем во всем, что касается христианства и христианской литературы, да и не только христианской.

Место действия последнего периода Наташиного творчества как-то вдруг сузилось — почти до размеров треугольника, ограниченного Храмом на Крови, Летним садом и Спасо-Преображенским собором. Этот собор и оказался последним конкретным адресом, помянутым Наташей в последней своей книге:

Литейный... К дверям собора
Приблизусь...

Именно здесь, в виду этого собора, Наташу в скором времени убьют...

Стихотворение, из которого взята только что приведенная цитата, называется «Молитва». Заканчивается оно неслучайными строками:

Помощница скорая,
Рабы своей не покинь!

Это пятое стихотворение, если вести счет от конца книги. За «Молитвой» следуют стихи, в которых Наташа прощается и прощает:

Светло на душе —
Как прекрасно прощать, не скупясь...
.....
Всех простила от сердца —
Простите меня, дорогие.

Далее, в стихотворении «Нет оправдания растленной душе...» описывается нечто вроде полета: «разверзшийся» город (в тексте даже не город, а «град») остается далеко (или глубоко?) внизу и выглядит «словно россыпи, горки драже». И еще в этом надмирном пространстве «ветер свирепствует лютый» и слышится (не трубный ли глас?) «голос пожарной сирены». Более чем символично окончание этого стихотворения:

Только б войти через узкую дверь
К Господу без преткновеня!

Предпоследние стихи сборника — проповедь мученичества
и покаяния:

Каждый знает, что Христом живущий
Крест несет. Мир этот всемогущий
Не его, ведь здесь его казнят...
.....
Радость обретения и мука,
Покаяние, стяжанье духа —
Вот наш путь, другое — Бог подаст.

Заканчивается книга ответом на вечный вопрос:

Так что же нам делать? —
Всем миром упасть на колени.

Вряд ли все это только свидетельство изощренного композиционного хода или цепочка случайных совпадений: близкое (и такое жуткое) будущее явлено здесь слишком точно и даже как-то отстраненно, словно речь идет не о собственной — Наташиной — жизни или смерти (и жизнь и смерть как бы уже позади), а о всеобщем грехе и спасении, два тысячелетия искупаемом кровью и опять кровью.

В предрассветный февральский час в Спасо-Преображенский храм, что на Литейном проспекте, шла наша сестра, петербурженка, поэтесса Наталия Карпова. И с молитвой ко Господу и Пресвятой Богородице шагнула в вечность, воспарив над городом, над всей землей.

Наталия Карпова, как и мы, родилась в многострадальной стране, где христианка-душа у многих была расхищена, обречена на неприкаянность и одиночество.

В свирепеющей черноте, пророчески видя суровый ход событий, она возложила все упование на Господа, на непостижимую глубину Его мудрости и человеколюбия в спасении каждого человека.

В ее стихах слышится искренний плач о грехах, истинное покаяние. Любя свой родной город, ставший «в мирозданье открытою раной», любя, как больного ребенка, и страдая за свою великую и убогую Родину, она и нас зовет к соборному покаянию и смирению перед Господом.

Она погибла в день, когда Святая Православная церковь праздновала память новомучеников Российских, искупающих своей кровью грех нашего отступничества от Бога.

«Сяжи Дух мирен (небесный), и тысячи вокруг тебя спасутся» — святому завету преподобного Серафима Саровского, как видно теперь, последовала в поисках истины Наташа. И не уклонилась с пути, ей начертанного.

Избегает тлена на земле только Слово. И это Слово — духовный дар Наташи — оставлено нам на молитвенную память.

ПАМЯТИ НАТАШИ

Как по клавишам — по строчкам
Легкой пястью пробежала
И крест-накрест узелочком
Нас до гробушка связала.

Шевельнула нежной бровью,
Что-то там проворковала,
А потом взяла — и кровью,
Страшной кровью нас связала.

В этой сутолоке бытной
Посреди пустот опасных
Мы не стали силой слитной,
Ратью гласных и согласных.

Мы забыли зваться хором
Аполлоновой артели,
И пылятся по каморам
Наши гусли и свирели.

Мы забыли — работяги
Поэтического цеха —
Высоту небесной тяги .
И всесильный голос эха.

Стихотворцы, стихотворцы,
Мы же все единовѣрцы,
Не пришельцы, не заморцы,
И одна заноза в сердце!

ИСПОВЕДЬ

Что же делать мне, отец Георгий,
Коль душа моя ожесточилась?
Недоступны стали ей восторги,
И прощать, как видно, разучилась.

Он простил распятого злодея,
Указал ему дорогу к раю...
День и ночь прошу не о суде я,
Я о мести яростной взываю.

Помяни меня, когда приидеши
Под смоковницы и под оливы.
Ты, я знаю, мухи не обидишь.
Как мне жить, когда злодеи живы?

Ты прости меня, отец Георгий,
Помолись о грешном человеке.
Не прощу творцов бесовских оргий,
Не прощу ее убийц вовеки.

* * *

Наталия — «родная»

(Именослов)

Пробудилась раньше нас.
Оставался с лишним час
До рассвета. В этот раз
Что же Бог ее не спас?

Возле утренних ворот,
Мимо царственных палат —
Так был внутренний поход
Совпаденьями богат.

Обок с Пушкинским жильем,
С Достоевским тет-а-тет,
Осенил ее крылом
Тот и этот, след во след.

Уходила на века,
Дверь закрыла на круги.
По привычке шла река
С нею рядом — у ноги.

Дорогие имена
За собой ее вели,
Им родной была она,
Потому что — Наталі́.

Вадим Халупович

НЕТ СИЛ СМИРИТЬСЯ И ПОВЕРИТЬ

Боже, как страшно приниматься за воспоминания о вчера еще живом друге, с которым рядом прошло полжизни. Было все — и радости, и горести, но не было взаимного равнодушия и непричастности к бедам и радостям друг друга.

Во второй половине 1958 года мне посчастливилось попасть в ЛИТО при ДК им. Первой Пятилетки, где руководителем был наш незабвенный Учитель Глеб Сергеевич Семенов. Там я и познакомился с тоненькой восемнадцатилетней девушкой Наташей. Она тогда работала в библиотеке ДК. Знакомство наше переросло в дружбу. Как-то сразу сложился круг друзей, который уже не распадался в дальнейшем более 30 лет. Это Наташа Карпова, Галя Гампер, Геннадий Угренинов, Олег Юрков, Нонна Слепакова, я и, всегда готовая всем помочь, Людмила Левина («Люся из Дома книги»), которую, кстати, привела в нашу компанию Наташа. Позже к нам присоединилась вернувшаяся в Ленинград Майя Борисова. Собираясь, чаще всего — у Гали Гампер, мы читали стихи, спорили, расходились во мнениях, но всю жизнь оставались верными нашему кругу. И Наташа, вместе со своим мужем Эдуардом Крейниным, была, как всегда, заводилой наших застолий, несмотря на частое нездоровье.

Долго ей не удавалось издать книгу. К тому времени у многих из нас книги уже вышли, но Наташа никогда не опускалась до зависти.

Хоть бы раз в году, собравшись у подруги,
По кругу почитать, послушать, чем живем...

Как лошади порой нуждаются в подпруге,
Опору обрести нуждаемся и ждем.
Ждем взгляда и смешка, смешенья быстрых реплик,
Надежной похвалы и критики скупой.
О, так соблазн велик, что, безнадёжный скептик,
Душа моя спешит в турнирный этот бой.

И как мы были рады за Наташу, когда наконец в 1976 году вышла первая ее книга.

А я все вижу, словно прожито,
А я все знаю наперед...
И на стекле рисую рожицу,
Которая меня поймет.

Ей, как никому другому, нужно было понимание, отзыв, ответная реакция на стихи. На ее книгу «Трамвайный перекресток» я написал рецензию, где сказал о том, что, «пристально вглядываясь в прошедшие годы, Наталия Карпова создает незамутненный образ нашего ленинградского времени... И мы дышим этим воздухом, радуемся этой радостью, горюем вместе с ней».

От книги к книге креп ее поэтический голос. От года к году продолжалась наша дружба с Наташей и ее мужем.

А когда эта дружба подверглась испытанию расстоянием и расставанием, когда мы вслед за дочерью уезжали в Израиль, как проникновенно Наташа написала нам в прощальных стихах:

До свиданья, друзья! В добрый путь! Не держите обиды.
Я бывала черства, и никчемна, и часто больна.
Дни кривые, напрасные — тканью забвенья обиты.
Что теперь? Отшутиться? Заплакать за рюмкой вина?

Разве скажешь о том, что сильны дружбы ржавые узы?
Как запятана в сердце любовь к нашим старым друзьям?

Все о'кей! Вы сдавали багаж — вместе с ним едут музы.
Пусть вам будет спокойно, надежно и радостно там.

В 1994 году, когда мы с женой приехали в наш город в гости, Наташа подарила нам свою последнюю книгу «Над темной водой канала». Кто тогда мог подумать, что книга действительно окажется последней? А она, эта книга, возвышается над всем, что сделала Наташа раньше. Стихи, обращенные к людям и к Богу, обрели абсолютную открытость, доверительность и пророческую пронзительность. Мне отрадно, что все это я успел сказать ей в письме и получить в ответ ее признательность.

Одним из самых трагических в моей жизни известий было известие о мученической смерти Наташи Карповой. Нет сил смириться с этим и поверить, что мы с ней больше не встретимся ни в христианском Иерусалиме, ни за общим столом у Гали Гампер, ни в ее гостеприимном доме, не услышим там гитару Миши Кане и шутки Вити Новикова.

Мы перечитываем ее последнюю книгу и с благодарностью вспоминаем нашу милую, неповторимую Наташу, умевшую так по-детски радоваться и радовать всех нас.

Хайфа, Израиль

Юрий Колкер

ТРИ ПИСЬМА И ПОЕЗДКА В АНГЛИЮ

В январе 1993 года поэтесса Л. Г. привезла мне в Лондон первую за многие годы весть от Наташи:

Дорогой Юра! Пользуюсь оказией передать тебе это письмо и книгу¹, которая пошла в производство еще во времена весьма неустойчивой гласности. А сейчас поэзия вообще отпугивает и издателей, и читателей. Времена дикие, сложные, полные испытаний. Мне чужд всякий бизнес, всякая коммерция — отвратительна. А главное — новые условия жизни малопримлемы, поэтому я устранилась не только от участия в политической жизни, но и от суеты всяческой. [...]

Юра! Все эти годы думаю о тебе, Тане, Лизочке. [...] Если будешь в Питере, не забудь о нашем доме. [...] Время интеллигентных людей у нас кончилось. [...] Но я твердо решила умереть в своей стране и пережить вместе с ней дьявольские времена. На все воля Господня. [...]

Обнимаю. С самой доброй памятью, доверием и нежностью — Наташа Карпова. 18 ноября 1992 года.

Так возобновилась наша дружба. Она никогда не была тесной. В начале 70-х годов при Доме писателя на Шпалерной (тогда эта улица называлась иначе) существовало литературное объединение во главе с Татьяной Гнедич, — в нем мы с Ната-

¹ Наталия Карпова. Краски дня. Пятая книга стихов. — Л.: Совпис, 1988, с дарственной надписью: «Юре Колкеру — дружески — сквозь время и пространство. 18.11.92. Нат. Карпова».

шей и познакомились. Доверие между нами возникло сразу. Я не подружился ни с кем из участников объединения, исключая ее одну.

В стихах Наталии Карповой было то, чего по временам так не хватает поэзии: целомудренная естественность. Говорить просто о простом, не заниматься сухой возгонкой смыслов, не упиваться физиологической звукописью, не изобретать, не учительствовать, вообще — не становиться на котурны, — это удается не многим, а ей — удавалось. Мастерство было строго дозировано, слито со смыслом и адекватно ему. Наташа с редким достоинством несла бремя своего поэтического дара. Положение в ту пору осложнялось еще неизбежным выбором: *с ними* или *против них*? На дворе стояла безрассветная ночь. Пойти *против* значило не публиковаться никогда — и поневоле оказаться в среде тех, кто жил не столько поэзией, сколько безудержным честолюбием. Но я уже знал — и Наташа была живым подтверждением моей догадки, — что есть третий путь: не замечать *их*, насколько это мыслимо, отвести *им* подобающее место — в одном ряду с тягостными ленинградскими зимами. Она сказала это так веско, что я запомнил на всю жизнь:

Пусть выбор у нас невелик,
Но все-таки есть,
Чтоб делать, как совесть велит,
Как требует честь.

Книга², откуда взяты эти строки, пролежала в издательстве 11 лет, — срок по тому времени нормальный, а для нормаль-

² Наталия Карпова. Колодец [первая книга стихов]. — Л.: Совпис, 1976. Дарственная надпись на моем экземпляре сделана в Лондоне: «Дорогим друзьям — Тане, Юре, Лизе — с некоторым опозданием — на память о Питере и тех временах, хотя они — те же... С любовью. 15.07.93. Наталия Карпова».

ного сознания — чудовищный. Но она все-таки вышла. И есть в ней еще многое, к чему я возвращался не раз. Наталия Карпова не оставила нам пронзительных стихов о любви, а вот о дружбе сказала так, как у нас не говорили со времен Пушкина: самозабвенно и самоотреченно. Умение жить чужой радостью и чужой болью было свойственно ей в высшей степени...

Но вернемся в 90-е годы. Мы пригласили Наташу погостить у нас. Она ответила:

23.03.93

Твое приглашение в Лондон — меня просто ошеломило... Уму непостижимо! Но, правду сказать, с самого детства я мечтала только о Лондоне и книгу *London town* зубрила, как стихи. Ничего не могу сказать, кое-где удалось побывать. Но в Лондоне? Это как сон. Конечно, я наскребу денег... Не знаю только, реально ли это? В любую минуту могут ввести чрезвычайное положение или еще хуже... Новый паспорт у меня уже есть, так что проблема — виза, билеты, мирное сосуществование демократов и коммунистов. У меня есть друзья в Лондоне, есть в Ирландии, Шотландии and so on... [...] Слава Господу! Спасибо за нашу новую встречу. Очень вас с Таней люблю и надеюсь, что теперь мы не потеряемся. Обнимаю. Наташа Карпова.

Приехала Наташа в июле 93-го. Денег она наскребла ровно на дорогу — и остро переживала это специфически российское унижение: работать всю жизнь и не иметь гроша за душой. Прогулки по Лондону и окрестностям, обычный осмотр достопримечательностей она сумела дополнить интересами профессиональными: побывала в тутошних библиотеках и увлекательно рассказала о них на волнах русской службы Би-Би-Си, где и ее квалификацию, и природный артистизм сразу же оценили по достоинству.

В лондонскую публичную библиотеку мы ходили вместе.

Один из работников вызвался быть нашим вожатым; мы долго бродили по этажам, разглядывая гравюры и портреты на стенах, ворошили наугад книги. Помню, как нас ошеломило сочинение Эйлера, изданное по-латыни при жизни этого величайшего из петербургских академиков: книга восемнадцатого века стояла в ряду прочих, выделяясь только основательностью переплета. Помню, с каким упоением Наташа вглядывалась в пожелтевший газетный лист 1851 года с рисунком лондонского Хрустального дворца, павильона, строившегося к так называемой Великой выставке...

Изменилась она главным образом внутренне: вера, столь понятная у поэта, окрашивала все ее мысли, суетное потеряло для нее привлекательность. Мы много говорили об этом и сошлись на понимании религиозного озарения как призвания или таланта, дающегося не усилием воли или разума, но извне.

Случается, что встреча спустя двадцать лет приносит разочарование и обиды; в нашем случае этого не произошло. Вернувшись, Наташа написала:

30.07.93. Дорогие Танюша и Юра! Еще раз огромное вам спасибо за все, за вашу доброту и гостеприимство. Я так отъелась, что за 12 дней поправилась на 3 кг (чего не было многие годы). Вся надежда на пост, который как раз и начинается с 1 августа. Все-таки как важно понимать друг друга, поэтому и родство душевное устанавливается. С вами было очень хорошо, как будто мы и не расставались, а, наоборот, связаны были постоянными сердечными узами. Танюша! Твоя деликатность и тонкость (деятельная) твоей натуры меня просто покорили. Я ведь дура дурой, но многое вижу... [...] Собираюсь 8 авг. уехать на неделю на могилу одного подвижника — старца, ушедшего от нас год назад. Это далеко и дорого, но и радостно. [...] Обнимаю вас, дорогие! До новых встреч!..

Новая встреча была одна: в мае 1994 года, у Наташи на

Мойке. Фотографий, сделанных мною тогда (на них мы веселы и чуть-чуть дурачимся), Наташа так и не увидела. Стихи, начитанные ею на пленку для русской службы Би-Би-Си, тоже вышли в эфир только после ее гибели. Подборка заканчивалась строками:

Так и нам обновление дается,
Когда мы щедры.
Так и в нас просыпаются
Новые силы живые.
Я простила тебя
И прошу — о, прости меня ты,
Всех простила от сердца —
Простите меня, дорогие.

Последние слова обращены и к тем, кто ее убил... В мученический венец словно бы вплетена злая ирония. Спросят: не посмеялась ли судьба над этой удивительной женщиной, никому не желавшей зла, простившей всем и молившейся за всех? Но подобный вопрос уже не раз поднимался религиозным сознанием. Не будем решать его заново, скажем только, что в гибели Наташи есть некая зловещая значительность. Она умерла «в своей стране», *не* пережив «дьявольских времен»; умерла не как поэт, а как христианка, как русская православная интеллигентка, не чуждая народническим настроениям. И народ обошелся с нею по-свойски. Вдумаемся: ее убили в самом сердце родного и драгоценного для нее города, в священную для нее минуту соборного приобщения к благодати, — убили те, за кого она молилась и кому простила.

Боремвуд, Хартфордшир, Англия

ПАМЯТИ НАТАЛИИ КАРПОВОЙ

Как вынесла голова,
Как сердце не разорва-,
Как сердце не разорвалось,
Не остановилось, едва
Услышало: — Вас уже нет!
Наичернейший свет!
Наиярчайший мрак!
Как?!
Вас — и не может быть?!
Вас, предназначенной жить
Вечно?!
Да это ж бред!
Это меня — нет!
Это не я, а Вы
Слезы смахнули с глаз,
Видя, как мы — мертвы!
Бога молитесь — о нас.

Андрей Тарасьев

**«КАК НЕМНОГО ЛЮДЕЙ ДОРОГИХ...
А С ГОДАМИ ВСЕ МЕНЬШЕ»**

«Андрей! Приготовься услышать самое страшное! Наташу убили... пятого... в подворотне...»

Голос Саши Шумилова слышен из далекого Питера совершенно чисто, каждое слово в отдельности совершенно ясно, но смысл всего сказанного не доходит до сознания...

«Алло, Андрей! Алло!...» — доносится из трубки, повисшей в воздухе.

Постепенно проясняется содержание известия и выливается в два тяжелых свинцовых удара:

НАТАША УБИТА!

За что?

Кем?

Как?

А еще совсем недавно я просил Сашу проверить, почему я никак не могу дозвониться к Наташе и Эдику (оказалось, что, переписывая номера в новую книжечку, второпях я перепутал цифры). Никогда не прощу себе, что не позвонил им сразу же, узнав точный номер!

Вскоре в руках моих очутились некрологи, статьи...

Теплые, трогательные, именно такие, какие и заслужила эта чистая, христианская душа.

Но все же с одним из заголовков захотелось поспорить (именно с заголовком, а не с содержанием статьи): «В Петербурге все еще убивают поэтов» («Час пик», № 34/308, 24 февраля 1995 г.).

Думая о том, что же мне в нем мешает, я вспомнил один

случай в гимназии городка Чачак в Сербии. И сейчас мне захотелось поделиться этим.

Нужно сказать, что до войны 1941 года в школах Югославии не изучался русский язык. Но сразу же после войны он стал обязательным предметом в училищах всех уровней. Естественно, что встал вопрос нехватки кадров. В первую очередь преподавателями русского языка стали многие из русских беженцев, безотносительно к их образованию и прежней профессии. Так среди преподавателей русского языка очутился и Михаил Боровский, друг нашей семьи, одноклассник моего отца, протоиерея Виталия Тарасьева. Судьба его забросила в город Чачак. В гимназию. Многие поколения школьников, имевшие счастье учиться у него, и сейчас еще поминают этого педагога добрым словом. Вспоминают, как он знал и любил русскую литературу, как прививал и им эту любовь. Этот Миша-рус, как его все звали, умудрился где-то на школьном дворе отвоевать кусочек земли и посадить там розы. Он приходил за час до начала занятий, что-то подрезал, что-то подвязывал, одним словом, лелеял своих красавиц. И к удивлению остальных педагогов, никто из школьников, несмотря на некоторую дикость тогдашних провинциальных нравов, не трогал эти цветы. Но как-то раз, в конце учебного года, Боровский, придя, как всегда, пораньше, не нашел ни своих кустов, ни цветов. Кто-то ночью варварски разделался с ними: повсюду лежали оборванные цветы, ветер разносил их нежные лепестки. Вероятно, кто-то из второгодников решил отомстить строгому преподавателю за двойку. В тот день Боровский не мог работать, не мог читать, говорить. Его душили слезы. Это вызвало насмешки его учеников и коллег. Но в одном из классов дети вдруг почувствовали, насколько потрясен этим варварством их чудак Миша. И начали его утешать, обещая посадить другие розы и расправиться с хулиганом. И тут Миша Боровский произнес свое объяснение, ставшее впоследствии крылатым: «Вы, дорогие

мои, не так все поняли! Мне не роз жалко. Страшно то, что в мире есть люди, способные на такой дикий поступок!»

И вот, читая статью о Наташе под тем заголовком, я вспомнил чуткого Мишу Боровского. И мне захотелось вслед за ним сказать: страшно не только то, что убили поэта. Страшно то, что на Руси, вот уж почти сто лет, безнаказанно бесчинствуют убийцы, растлившие и душу и тело русского народа. Наташа убита не потому, что она была поэтом, этого не сделали и раньше, а могли. Ведь она сама сказала: «В этой лживой стране мы росли, бились в этой системе». Страшно то, что Наташа погибла, как и сотни, тысячи других, от рук обесчеловеченных, духовно опустошенных людей, жертв той же системы, в которой она билась, как птица в клетке: «Место действия нам очертили стальными тисками».

Прожив тяжелое детство и юность, рано умудренная этими тяготами жизни, всё и вся видящая Наташа милостию Божиею стала к концу своих дней ясновидящей. Так как же она не смогла предугадать свою судьбу, отвести роковой удар? Значит, эта милость была ей дана только на службу ближним. Как и многим другим угодникам. А ей предназначена другая: умереть с мыслями о Боге по пути к храму, с мыслями о быстротечности этой жизни. И это тоже великая милость Божия!

Упокой, Господи, душу рабы Твоея убиенной Наталии!

* * *

Мы с Наташей были знакомы и дружили без малого тридцать лет.

Страшное известие о ее безвременной кончине со всей ясностью вызвало в памяти тот чудный сентябрьский вечер 1966 года, когда мы познакомились.

Все произошло как-то случайно.

Год 1966-й для меня знаменательный: впервые мне удалось побывать на Родине. Для нас, родившихся и выросших на чужбине, но в семьях, где сохранялась память о России, где не забывался и не засорялся русский язык, где с гордостью передавалась от поколения к поколению славная история России, — поездка на Родину была заветной мечтой.

Мне повезло: бывший Санкт-Петербург мне показывал художник, эрудит, тонкий знаток искусства, наш родственник Леонид Ипполитович Каратаев, с детства полюбивший этот город. Единственно, в чем он не мог мне помочь, это в указании, где мне найти «действующие» церкви (Боже, как меня корбило от этого жуткого названия!). Но, обжившись в Питере, я стал их отыскивать сам. И вот однажды, войдя в Преображенский собор, я, к своему удивлению, увидел, что службу совершает протоиерей Владимир Мошин, давнишний друг моей семьи, духовник моей матери Людмилы Борисовны Тарасевой, урожденной Литвиновой-Массальской. Дождавшись конца службы и его выхода из алтаря, я подошел к нему, вызвав этим ответное удивление. Отец Владимир взял с меня слово навесить его и матушку Ольгу Яковлевну тогда же вечером, так как уже на следующий день они возвращаются в Белград. Это несколько нарушало мои планы, но мне не хотелось огорчать его, и я записал адрес и подробно расспросил, как мне добраться до их Бассейной.

Оказалось, что я попал на прощальный ужин. Отец Владимир со своей матушкой остановились у его родной сестры Галины Алексеевны Карповой, с которой я и познакомился в тот вечер, а также и с мужем ее Иваном Константиновичем. На ужине были друзья отца Владимира (кстати сказать, византолога с мировым именем), его коллеги: Дмитрий Сергеевич Лихачев, поразивший меня своими утонченными манерами, и, насколько мне помнится, одноклассник отца Владимира по петербургской гимназии профессор Попов, осанистый, призе-

мистый старик со старообрядческой бородой. Про него мне потом говорили, что и он (как и Лихачев) побывал «там», что он крупный знаток в разных областях науки. Правда, Ольга Яковлевна со свойственной ей иронией добавила, что он владеет девятью никому не нужными языками.

Вечер шел неровно. То наши ученые мужи заводили такие замысловатые споры, что нам, неучам, оставалось только хлопать ушами, то Ольга Яковлевна затевала споры на тему русского языка, ежеминутно поправляя то своих родственников, то Попова, то Лихачева, утверждая, что только мы, русские интеллигенты зарубежья, сохранили чистоту исконной русской речи. Деликатный Лихачев и насмешник Попов отшучивались, как могли, не желая спорами доставлять неприятности отцу Владимиру, и без того конфузившемуся из-за выходов своей матушки.

Узнав, что я из Белграда, что закончил русскую начальную школу и два класса гимназии, к тому же что я славист, Дмитрий Сергеевич начал расспрашивать про нашу жизнь, про школу... Я увлекся своими воспоминаниями, забыв обо всем на свете, и лишь по задористому смеху заметил, что к нашей компании прибавилось: в углу за моей спиной, держа тарелку на коленях и что-то в поднятой руке на вилке, звонко смеялась рыженькая, милая девушка в веснушках... Вид у нее был усталый (после я узнал, что она весь день провела на лекциях, в аспирантуре, кажется), ела и смеялась она так аппетитно, что мое смущение быстро прошло. Оказалось, что племянница отца Владимира давно уже сидела за моей спиной, знаками показывая, чтоб меня не прерывали.

— Наташа, — представилась она просто. Первое, что меня в ней поразило, это была ее русскость: она будто сошла с полотна Васнецова, Нестерова... А затем — ее искренняя непринужденность в общении. Оживился и ее дядя Володя, даже спел нам своим приятным баском несколько песен... Вдруг

Наташа резко встала, прошла в другую комнату и скоро вернулась оттуда с цветастой русской шалью. Сдвинув стол к стене, она встала посреди комнаты и сказала: «Мне захотелось для такого русского Андрея сплясать русскую!» Сперва медленно и при полном молчании, а затем все быстрее и при поддержке всей компании (кто подпевал, кто просто в такт хлопал) она, держа руками концы шали, танцевала с таким задором, с такой грацией, что и меня привела в восторг (хотя, должен сознаться, меня сначала сильно смутила ее выходка). Перед моими глазами рождалось чудо народного искусства, магическое и такое естественное в то же самое время. Я будто очутился в имении дяди Наташи Ростовой при безудержной пляске после охоты.

Так же неожиданно, как и начала, Наташа оборвала танец, бросившись в кресло со словами «Ой, больше не могу!»

Было уже за полночь, когда мы стали прощаться с гостеприимными хозяевами. Нужно было попасть в метро до часу, а отец Владимир попросил меня помочь Лихачеву и Попову при пересадке. Неожиданно вызвалась их провожать и Наташа. Мы проводили уважаемых метров до дому, успели проскочить с Васильевского перед тем, как начали разводить мосты, и я, к ужасу Наташи, стал останавливать машины. «Пойдем пешком», — предложила она. Я, конечно, согласился, и мы, не торопясь, выбирая по идее Наташи не самый короткий, а самый интересный путь, двинулись назад. Никогда не забуду этой волшебной ночи! Мы пошли в обход на Сенную, по пути Раскольникова, прошли по всем улочкам вплоть до Новой Голландии (ведь тогда можно же было спокойно ходить!), побывали у Витебского и Варшавского вокзалов мимо училища Лермонтова, полюбовались и стройной колокольной Никольского собора при лунном свете. Боже, так знать и любить свой город, как знала и любила его Наташа! Она читала мне свои стихи, которые я потом узнал в ее сборнике «Мой город».

Мы расстались — будто всю жизнь были знакомы. Да что знакомы — будто всегда были самыми близкими и родными.

* * *

С Наташей мы встречались в каждый ее приезд в Белград или мой приезд в Ленинград. Встречались мы в домах, где останавливалась Наташа в Белграде: у вдовы академика Хлытчиева Татьяны Ивановны, у вдовы профессора Троицкого Елизаветы Ивановны, у чудной набожной женщины Савки Живоинич и у ее невестки, ученого-византолога, ученицы академика Мошина, обаятельной Миры Живоинич, у большого русофила, поэта Радони Вешовича и его очаровательной жены Васильки, у коллеги Наташи по библиотечному делу и переводческому поприщу — бесконечно милой Лидочки Субботиной, урожденной Затворницкой. И каждая встреча — праздник.

Нам удалось и духовно породниться: вместе с профессором Джордже Трифуновичем и протоиереем Деяном Деяновичем Наташа крестила моего Никулушку в 1988 году.

Последние 10—15 лет, после переезда отца Владимира в город Скопле в Македонии (где он и скончался), у нас завелся особый ритуал. Я встречал поезд с одним-единственным вагоном прямого сообщения Ленинград—Скопле. Вагон этот отцепляли в Белграде, и он 2—3 часа ждал следующего состава. В этих коротких встречах в душном купе вагона дальнего следования на каком-то запасном пути белградского вокзала тоже была своеобразная прелесть и особая радость нового духовного общения.

Раз в Ленинграде Наташа с Эдиком устроили мне незабываемую встречу со своими друзьями-поэтами (Александром Кушнером, Раисой Вдовиной, Ниной Королевой, Семеном Бот-

винником). Тут, правда, я впервые обидел Наташу. Захотел сдуру похвалить ее кулинарные способности и что-то ляпнул, вроде не знаю, что она лучше делает: стряпает или пишет. Ой, как оскорбилась поэтесса, считавшая себя весьма посредственной хозяйкой. Мне потом было очень жаль, что я задел ее за живое, да слово не воробей...

И наши белградские встречи были всегда такими светлыми! И совместные посещения русской белградской церкви святой Троицы, и долгие прогулки по русскому некрополю, и просто по белградским улицам. Наташа умела радоваться жизни.

Навсегда мне запомнился один случай: за день до отъезда из Ленинграда я поехал попрощаться с Галиной Алексеевной. Мы уютно посидели вдвоем, попили чайку, поговорили об отце Владимире (она очень волновалась за него из-за частых сердечных приступов), попрощались, и я вызвал себе лифт. Войдя в кабину, я в зеркале увидел, что Галина Алексеевна не ушла в квартиру, а стоит и с порога меня крестит. Вот у какой матери и в какой семье выросла и воспитывалась наша Наташа!

В один из последних приездов в Белград Наташа мне рассказала, что недавно, во время богослужения в храме, она вдруг почувствовала в себе новую необычайную силу и потребность помогать людям. Она это восприняла как истовая христианка — зная, что это великая милость Божия. И с этого момента всю свою жизнь посвятила ближним своим братьям и сестрам! Я не раз сам чувствовал на себе эту ее действенную силу, и было мне спокойнее на душе от сознания, что Наташа молится за всех нас перед русскими святынями.

И если мы, помня Наташу на панихидах, молимся об упокоении ее души, то сейчас мне хочется обратиться к ней по-иному: Наташа, душа наша чистая, молись за нас пред престолом Всевышнего!

Белград, Сербия

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Крестинский. «Я шла, шагнула через край...» 5

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Из шести книг

Колодец

1976

«Как люблю эту участь бродячую...»	11
«На родине моей сегодня лето...»	12
«Ни похвала людская, ни хула...»	13
«Земля и вправду напилась...»	14
«Как изменяется окраска...»	15
«Колодец завораживает...»	16
«Остывает на столе картошка...»	17
Забывшее кладбище	18
Возвращение	19
«В окне сиреневое зарево...»	20
«Ожидала, торопила...»	21
Переводчику	22
«Склонись же над одной из старых книг...»	23
«Не городаи вокруг себя заборов...»	24
Друзьям	25
Обращение к Адаму Мицкевичу	26
«Гусар усатый мой, какой еще мазуркой...»	27
«Ты для того так долго звал меня...»	28
«Далекая память, которой, казалось, и нет...»	29
«Люблю выбегать на звонки...»	30
«Итак, уж кончен год...»	31
«Смотри, как вечность замирает...»	32
«Ты хочешь, чтобы нам давались знаки...»	33
В больнице	34

«Больничный сад — обычный сад...»	36
Топится печь	37
«Когда за комнатным окном...»	38
«Не остыло дыхание твоё на губах...»	39
«Подумай, ведь ещё не поздно...»	40
«Куда ни посмотришь — снега распластались...»	41
«Стою у старого квартала...»	42
В библиотеке	43
«Опять, не дочитав последней строчки...»	44
«Когда слетятся в дачной полумгле...»	45
«Покамест ночь глушила краски дня...»	46
«Весенняя распутица в саду...»	47
«Моей земли простор великий...»	48
Осенний город	49
«Выйдешь на вечернюю дорогу...»	50

Совпадения

1980

«Много ли скажет пейзаж заоконный...»	51
«Каждый день, что мужественно прожит...»	52
«Осела старая изба...»	53
«Никто не сможет заменить отца и мать...»	54
«Как до корней родного языка...»	55
«От Павловска до Пушкина...»	56
«Что дни, когда года разделены...»	57
«Придет пора проститься — и простимся...»	58
Кони на Аничковом мосту	59
«Блуждаю по деревне незамеченной...»	60
Пень	61
«Мне кажется, ещё сейчас...»	62
«Явилась ночь ко мне...»	63
«В лесу закинешь голову...»	64
«Онега — деревянный крест...»	65
«Я научилась говору реки...»	66
«Растрчиваем время впопыхах...»	67
Воспоминание	68

Подруге	69
«Я знаю, совпадения не случайны...»	70
«Когда откроются поляны...»	71
«Тот уголок земли, где я вчера была...»	72
«Размотала я годы...»	73
«Войду в знакомую калитку...»	74
«Случайные встречи вернее задуманных встреч...»	75
«Когда глаза сужаешь...»	76
«Такою близостью хочу тебя обжечь...»	77
«Любовь к чему-то можно объяснить...»	78
«Будет мартовский дождь вперемешку со снегом...»	79
«Пусть память сберегает накопления...»	80

Мой город 1981

«Мы светим — и вся наша жизнь горяча...»	81
«Любимый мой, единственный мой город...»	82
«Глаза свои пытаюсь обуздать...»	83
«Тебе я поверяю город мой...»	84
«Есть единение душ, и это больше...»	85
«Мой город, переживший ад...»	86
«Ты видел, как разводятся мосты?...»	87
«Нева окна почти касается...»	88
«Нева, Нева! Стократ тебя воспели...»	89
На улице детства	90
«Помню, в час беззаботный...»	92
Читальный зал	93
«Дорогой мой, знаю, не права...»	94
«Над городом моим летит февраль...»	95
«Вот дерево, еще совсем нагое...»	96
«В квадрат окна заключено пространство...»	97
«Как мы молоды, свободны...»	98
«Годы — как проходные дворы...»	99
«Трудна задача жить легко...»	100
Осень	101
«Я тихо от тебя иду...»	103

«Я отца похоронила...»	104
«Не то что детство — молодость уходит...»	105
«Мы выйдем из подъезда в город...»	106
«В том городе, где наши судьбы...»	107
«В Комарово поехать — какая удача...»	108
Переоценка ценностей	109
«Мама ты моя серебряная...»	110

Трамвайный перекресток 1987

«Твои черты знакомы с детства мне...»	111
«Проходит сквозь жизнь мою город...»	112
«Ах, поблуждать бы, словно лет и не было...»	113
Городская зарисовка	114
В промерзшем трамвае	116
«Застенчивость и угловатость в детстве...»	117
«Изменился даже образ, даже облик...»	118
Юность	119
«Каждым днем дорожить научиться пора бы...»	120
«Сижу я тихо на земле...»	121
«Раз в деревне — так в лес, по ягоды...»	122
«Озеро плескалось у калитки...»	123
Инвалид	125
«Язык взглядов...»	127
«Море! Да с чем это счастье сравнится...»	128
«Со мною случилось счастье...»	129
«Служить добру — таков и мой девиз...»	130
Сестрорецкие сосны	131
«Опять уходит год — огромный пласт...»	132
«Хотя бы раз в году, собравшись у подруги...»	133
Ледоход	134
«Не приложу ума, пора ли ставить точку?...»	135
«Часто помышляя о большом...»	136
Первые книги	137
«И время уходит, и жизнь коротка...»	138
«Наши дни промелькнули...»	139

Краски дня
1988

«Молчим перед окном, открытым в город...»	140
1950-й год	141
«Наговорились, столько ран сумею разбередить...»	143
«Я бы тебе разъяснила, что происходит вокруг...»	144
«Расходились под утро...»	145
«Дни лучшие остались позади...»	146
«В декабрьский день, открытый, как страница...»	147
«Февральское солнце коснулось вершин...»	148
Ветер	149
«Голоса друзей привычно...»	150
«Я думаю о тех, с кем часто говорю...»	151
«Задую чужие стихи, как свечу...»	152
«Как-то странно двулик...»	153
«Талые воды, грязные...»	154
«В промозглый день столь горьких похорон...»	155
«Двадцать с лишним лет миновало...»	156
Напутствие легкомысленному приятелю	157
«Друзья многолетние, родственники по духу...»	158
«Что сделаешь, и близкие по духу...»	160
«Вновь надолго не пропади...»	161
Поступок	162
«Иногда, теряя вдохновенье...»	163
«Я лежу на высокой постели...»	164
«Нет, ты меня не вопрошай...»	165
«Богиня старости — дочь Ночи и Эреба...»	166
За чаем	167
«Менялись краски дня неоднократно...»	168
«Последнего летнего месяца дни истекают...»	169
«В навязчивых мыслях ухода, прощанья...»	170
«Стихов и писем стынет пепелище...»	171
«По секрету признаюсь, что я и не стою даже...»	172
«Вот и вышла моя новая книга...»	173
«Я забываю слово...»	174

**Над темной водою канала
1994**

«Разделив на двоих годы жизни, печальной и дикой...»	175
Старая женщина	176
Скорая помощь	177
«Славный трамвайчик бежит...»	178
Картинки из детства	179
1950 год	181
Папуас	182
Дом	184
«Удивишься далекой любви романтической...»	185
Два четверостишия	186
«Зимним утром выйдешь из трамвая...»	187
«Вечерней Невой надышаться успею...»	188
«Я была далеко, но сегодня, как встарь...»	189
«Как немного людей, с кем насытиться можно беседой...»	190
«Скрипит надоедливо дверь...»	191
«Над темной водою канала...»	192
Над прозой Петrarки	193
В Летнем саду	194
Бабочка	195
Лист	196
«Вдруг среди улицы, людского половодья...»	197
«Дрозды налетели, склевали крыжовник, умчались...»	198
«Боль прошла, и опять вдоль канала...»	199
«Немотою подернуты стены домов...»	200
«Лишь на миг уйду в пространство...»	201
«Будущее — предсказуемо и компьютеризовано...»	202

ОЧНИСЬ, ДУША МОЯ!

«Светло на душе...»	205
«Храм на Крови...»	206
«В давние годы я диктанты писала в школе...»	207
«Детство твоё — уродец...»	208
Маме	209

«Холод ночной прошибает насквозь...»	210
«Одна в промерзшем доме...»	211
«Припомню маршруты семидесятых...»	212
«Досадую, брюзжим, умеем досаждать...»	213
«Зачем мне эти платья...»	214
«Уходя от мира, умирая...»	215
«Друзья проливали счастливые слезы...»	216
«Уже на улицах раздают листовки...»	217
«Скоро будем платить по счетам, дни нещадно летят...»	218
«Столько явлено нам и чудес, и знамений...»	219
«Стоит человек, словно полуразрушенный храм...»	220
«Я увидела Свет...»	221
«Пока душа была оплетена...»	222
«Лишь теперь, когда выдался отпуск...»	223
«Возвращают храмы христианам...»	224
«Храмы разграбленные, храмы униженные...»	225
«Обсуждая деда старого...»	226
«Над Суздалем белым...»	227
«В среду сидели мы в домике дачном...»	228
«О том, что времена последние...»	229
«Я опомнилась наконец-то!...»	230
«Нужно просить у Господа...»	231
«Господи, да будет воля Твоя!...»	232
«Плачешь в сетях искушений, нечистая тварь...»	233
«Исcoverкана жизнь. Нет, неправда, то верхний покров...»	234
«Каюсь, Господи, в своих грехах без числа...»	235
Молитва	236
«Опасную, алчную ночь настоящего жития...»	237
«Великий пост, семь медленных недель...»	238
«Если птица ручная завтра окажется хищной...»	239
«В суете человеческой, в мыслях о мощи державы...»	240
«Нету для Господа ничего тайного...»	241
«Каждый знает, что Христом живущий...»	242
«Перепархивая во времени с ветки на ветку...»	243
«Нет оправдания растленной душе...»	244
«Путь один — от Голгофы до Вознесения...»	245
«Покров сегодня. Во Влахернском Храме...»	246

НАТАША

Майя Борисова. Памяти друга	249
Нонна Слепакова. Три lika Наташи	251
Галина Усова. На самом берегу залива...	253
Галина Гампер. «И возвращаюсь к жизни с собственных похорон»	255
Леонид Цывьян. Чистый голос	258
Кэти Джексон. Наташа. <i>Перевод Г. Гампер</i>	260
Александр Кушнер. Она была настоящим поэтом	264
Жанна Шадрина. Талант, исполненный душевного тепла	267
Валентина Минкина. Рядом с Наташей	269
Геннадий Угрюнов. Совпадения	271
Наталия Шумских. Духовный дар	275
Александр Крестинский. Памяти Наташи	276
Исповедь	277
Раиса Вдовина. «Пробудилась раньше нас...»	278
Вадим Халупович. Нет сил смириться и поверить	279
Юрий Колкер. Три письма и поездка в Англию	282
Алексей Любегин. Памяти Наталии Карповой	287
Андрей Тарасьев. «Как немного людей дорогих... а с годами все меньше»	288

Наталия Ивановна КАРПОВА

РАЗЛУК И ВСТРЕЧ ПЕЧАЛЬ И РАДОСТЬ...

Составитель — *Э. Л. Крейнин*

Редактор — *Б. Г. Друян*
Художник — *Е. М. Воробьева*
Корректор — *Е. С. Рогозина*
Компьютерный набор — *А. А. Баранова, М. А. Райцина*
Компьютерная верстка — *Л. А. Позднякова*

Подписано в печать с готового оригинал-макета 8.02.96.

Формат 70х108 /32. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,5.

Тираж 1000. Зак. 30 56

Товарищество с ограниченной ответственностью «Журнал „Нева“».
191186, Санкт-Петербург, Невский пр., 3

Отпечатано с готового оригинал-макета в С.-Петербургской
типографии № 1 РАН.
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

